

№ 2 2008

НАУЧНЫЙ ПОРТАЛ МВД РОССИИ

Выходит с 2008 г.
ежеквартально

Редакционный совет:

Т.В. Аверьянова
В.А. Волынский
С.И. Гирько
А.И. Гуров
Ю.Н. Демидов
И.Э. Звечаровский
А.Н. Ильяшенко
В.Я. Кикоть
С.Г. Мещеряков
В.Н. Остроухов
Д. Смирнов
А.А. Чекалин
В.В. Черников

Редакционная коллегия:

Председатель

С.И. Гирько

Заместитель председателя

В.И. Полубинский

Члены редакционной коллегии:

Ю.М. Антонян
Н.А. Власова
В.Ю. Голубовский
В.В. Дорохин
В.И. Жулев
И.А. Климов
П.Н. Кобец
С.П. Козлов
Б.С. Крылов
В.Д. Ларичев
Г.К. Синилов
Ю.В. Степаненко
А.П. Шергин
А.А. Ширванов

Редакция:

Главный редактор

В.В. Дорохин

СОДЕРЖАНИЕ

Антонян Ю.М. Особенности научных исследований в сфере борьбы с преступностью 3

ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ МВД РОССИИ

Работа совета по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту Совета МВД России по науке и передовому опыту ... 11

Крылов А.А. По вопросу об использовании в практической деятельности органов внутренних дел результатов диссертационных исследований, проводимых в Академии управления МВД России 13

Обзор материалов заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 27 марта 2008 года 16

РАЗДЕЛ I

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Шелковникова Е.Д. Актуальные проблемы правового регулирования частного коллекционирования антикварного оружия 19

Громов М.А. Административно-правовой режим, особый правовой режим, чрезвычайный правовой режим: соотношение и классификация 24

Долгополов А.А. К вопросу административно-правового регулирования оборота взрывчатых материалов 30

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Исаев Н.А. Междисциплинарные аспекты уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности детей и подростков 35

Зимин О.В., Бодров В.А. Субъективная сторона преступлений, связанных с отмыванием преступных доходов 44

Ильин И.В. Понятие и существенные характеристики экономического мошенничества 49

Ответственный секретарь

С.П. Козлов

Редактор

Н.И. Попова

При использовании материалов ссылка на журнал «Научный портал МВД России» обязательна

Компьютерная верстка

С.В. Сухоруковой

Подписано в печать
19.06.2008 г.

Формат 60 x 90 ¹/₈
Объем 17 п.л.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ОАО
«Типография МВД России»
Зак. № 3800.

Адрес редакции:

ул. Поварская, 25,
Г-69 ГСП-5, Москва, 123995
e-mail: info@vnii-mvd.ru;
http://www.vnii-mvd.ru
Тел./факс:
(495) 667 - 4114
(495) 291- 3590

© Государственное учреждение
«Всероссийский
научно-исследовательский
институт МВД России»

КРИМИНОЛОГИЯ

Кургузкина Е.Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности 55

Полубинский В.И. Жертва в контексте виктимологических исследований 60

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Железняк Н.С. «Острые углы» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 65

РАЗДЕЛ II

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Назаркин М.В. Особенности регулирования правоотношений в сфере обеспечения безопасности высокорисковых объектов в Российской Федерации и Европейском Союзе: сравнительный анализ 70

Сандугей А.Н. Об этнокультурной безопасности России в условиях усиления иммиграции 76

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Бутков А.В., Жерновой М.В. Роль регионального законодательства об административной ответственности в формировании государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации 83

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ

Гриб В.Г., Ростокинский А.В., Карлов И.Л. О пресечении экстремистской деятельности, ведущейся с использованием юридических лиц 87

Сопов Д.В. Террористический акт и иные преступления террористического характера: проблемы разграничения 94

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ

Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. К вопросу о психологической помощи сотрудникам правоохранительных органов 99

Иванова Л.Н. Психологические аспекты правового значения мотивации противоправного поведения 103

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Галахов С.С., Горшков А.А. Зарубежный опыт организации работы по выявлению и задержанию террористов-смертников 110

Чупрова А.Ю., Королев В.В. Правовая оценка мошеннических действий при банкротстве по американскому праву 119

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ

Сергею Ивановичу Гирько – 50 лет 127

Юрию Мирановичу Антоняну – 75 лет 129

Виталию Ефимовичу Квашису – 70 лет 131

Александру Сергеевичу Дугенцу – 50 лет 133

Ю.М. АНТОНЯН,

*Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор
(ВНИИ МВД России)*

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Одной из самых характерных черт современных наук, в том числе общественных, является все более убыстряющийся темп их развития. Вывод об этом основывается на логическом анализе фактов и явлений в рамках научных же исследований, на исторических сопоставлениях и повседневном практическом опыте специалистов разных отраслей знания. Все более заметно сокращение циклов развития, времени для пересмотра научных концепций и создания новых, постоянное усиление связи между фундаментальными (базовыми) и прикладными исследованиями. Именно в историзме, диалектической преемственности научного познания единой картины мира лежит ключ к объяснению причин ускорения темпов развития науки. Другой, не менее важной, причиной этого ускорения служит увеличение темпов развития самой социальной жизни, в том числе быстрого изменения (исчезновения одних, возникновения новых) факторов, влияющих на преступность и ее отдельные проявления, на состояние законности в обществе.

Так, еще полвека назад криминологи даже не упоминали глобализацию в числе криминогенных обстоятельств; теперь же невозможно представить себе квалифицированное исследование проблем организованной преступности и терроризма, которое не коснулось бы глобализационных проблем. В не менее сложном положении оказываются криминалисты, которые обязаны, с одной стороны, использовать новые технические достижения для раскрытия преступлений, а с другой – учитывать возможности их применения в преступном поведении. Излишне доказывать, что само развитие техники (транспорта, связи и

т.д.) в наш век вносит огромные, иногда революционные, изменения в общественную жизнь, что может иметь криминогенное значение.

В основе современной цивилизации лежит установка, в соответствии с которой природа и общество представляют собой ресурс для человеческой активности, некий пластический материал, допускающий возможность вмешательства человека. Однако это вмешательство, и в первую очередь посредством науки, не должно быть безграничным, и тем более бесконтрольным, поскольку может привести к катастрофическим последствиям. К юридической науке это относится в полной мере, ведь сфера борьбы с преступностью всегда связана с воздействием на общественную нравственность, затрагивает права и законные интересы граждан.

Деятельность ученого-юриста, как и любого другого ученого, – высшая форма познавательного отношения к миру. Его теоретическое мышление осуществляется в форме особого рода работы с идеальными объектами, которые в ходе мыслительного процесса изменяются, развиваются, разъединяются с одними и соединяются с другими объектами, вообще уничтожаются и т.д., с помощью когнитивных конструкций проводятся идеальные эксперименты, определяется прочность выводов.

Научная теория должна содержать решение какой-нибудь сложной проблемы, основываясь на том, что знание сущности явления предполагает знание его причин, а это в сфере борьбы с преступностью исключительно значимо. Вместе с тем, объяснительное знание – результат не произвольного конструирования, а познания тех

явлений, которые обладают генетическими функциями. В первую очередь – это явления социальной природы, т.е. реальность, которая не имеет окончания, что делает знание о ней тоже бесконечным. Не все, что угодно, можно осуществить, сконструировать, построить, а только то, что отвечает этой природе. Поэтому ученый, являясь конструктором, всегда ограничен в своих исследованиях, особенно если он помнит, что для борьбы со злом существует не так уж много возможностей.

Создание научных конструкций борьбы с преступностью исключает полет научной фантазии и должно обеспечивать всемерный учет реальности, которая обладает сопротивляемостью и которую ученый должен познать в соответствии с правилами и процедурами своей науки.

Судьба научных исследований, особенно фундаментальных, требующих использования достижений других наук, во многом решается усилиями ученых-одиночек, обладающих обширными знаниями, или групп ученых, связанных общими идеями и принципиальными подходами. От таких ученых в решающей степени зависит направление дальнейших научных поисков, применение новых методик, определение возможностей апробирования полученных результатов в практической деятельности правоохранительных органов и т.д. Другие научные сотрудники, также участвующие в данной исследовательской работе, должны получать необходимую исследовательскую подготовку, что особенно важно для тех, кто занимался ранее практической деятельностью. Особенно важна их подготовка в овладении новыми конкретными методами, достоверность и результативность которых не всегда могут быть проверены экспериментально.

Наиболее общая схема процесса познания в сфере наук криминального профиля имеет вид: «исследователь → общество, его социальные подсистемы и (или) человек». Наиболее активной стороной этого взаимодействия является ученый, так как от его усилий зависят результаты познания. Аналогичная модель может быть построена и для других наук.

Современное состояние научных исследований в области борьбы с преступностью характеризуется бурным ростом «выходной» продукции – книг, статей, обзоров, диссертаций. Нельзя сказать, что они мировоззренчески разобщены, если не считать различного рода богословских измышлений, но они, впрочем, к науке не имеют никакого отношения. Однако методологическая и аксиологическая разобщенность в названных исследованиях все же явственно присутствует, но я не считаю это недостатком, скорее, достоин-

ством: вполне естественно, что по таким архисложным явлениям, как преступность и пути и формы борьбы с нею, существует множество исследовательских парадигм и не совместимых друг с другом фундаментальных теорий. Но поскольку оценка научных исследований может основываться только на их качестве, полноте и глубине, следует отметить, что как раз этим требованиям они в своей массе не отвечают.

Анализируя состояние научных исследований криминального профиля, следует исходить из общих представлений о социогуманитарном знании, которое обладает следующей спецификой:

а) наблюдается большая изменчивость предметных областей, связанных с гуманитарными и социальными особенностями исследуемых объектов;

б) в социогуманитарном познании субъект и объект познания частично совпадают;

в) эксперимента как систематического метода получения нового знания и проверки знания старого в социогуманитарном познании не существует;

г) социогуманитарное знание гораздо менее математизировано или «кодифицировано», выражаясь языком социологии знания: вообще, присущая естественно-научным теориям жесткая связь между эмпирическим уровнем и уровнями фундаментальной теоретической схемы и частных теоретических схем в социогуманитарном познании в общем случае отсутствует. Более того, в некоторых областях этого знания отсутствуют и сами фундаментальные идеальные модели и их заменяют соответствующие картины социальной реальности;

д) социогуманитарное познание в гораздо большей мере подвержено влиянию внешних – социально-экономических, социально-политических и социокультурных – факторов, причем эти факторы оказывают влияние не только на темпы протекающих в рассматриваемой сфере процессов, но и на содержание знания¹.

Признавая относительность любого знания и его принципиально неокончательный характер, тем не менее, следует возразить М. Веберу по поводу его утверждения о том, что «теоретические конструкции только способствуют познанию, а отнюдь не дают познание реальностей»². Это утверждение, не лишнее некоторого кокетства, с неизбежностью ставит вопрос о том, что же дает познание? Если теоретические конструк-

¹ См.: Нугаев Р.М. Проблема роста социогуманитарного знания // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 64-65.

² Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. // Избр. произв. М., 1990. С. 597.

ции лишь способствуют познанию, что же тогда его порождает, поскольку способствование есть лишь создание условий? Для гуманитарной науки, в том числе юридической, все это имеет принципиальное значение.

Особенностью нынешнего этапа развития наук криминального профиля является незначительное количество работ науковедческого характера, а это не позволяет объективно оценить их возможности в борьбе с преступностью. Наряду с этим, в названных науках накопилось значительное число умозрительных конструкций и «открытий», которые, в чем можно быть уверенным, никогда не найдут своего места в практике. Поэтому необходимо отсеивать подобные рекомендации, равно как и те, которые откровенно лженаучны. Я имею в виду, например, «теоретические» конструкции, объясняющие преступность и ее причины с позиций религиозной мифологии.

Проблемы преступности (преступлений) и борьбы с ней при участии всех дисциплин криминального профиля возникают из-за упущений в организации научной деятельности и неумения внедрить ее результаты в практику, а также из-за недостаточной науковедческой подготовки научных сотрудников и преподавателей.

Люди, впервые приходящие на работу в научные и образовательные учреждения МВД России, неизбежно сталкиваются с серьезными трудностями при подготовке и проведении научных исследований, в том числе диссертационных. Эти трудности они преодолевают в ходе самих исследований (обычно при помощи более опытных сотрудников) либо, не сумев преодолеть их и убедившись в неприемлемости для себя научной работы, бросают ее. Какой-либо устоявшейся системы специальной подготовки и переподготовки научных кадров в МВД России, к сожалению, не существует. Это же можно сказать и о тех, кто готовит кандидатские диссертации.

Под специальной подготовкой (и переподготовкой) следует понимать уяснение молодыми специалистами того, что представляет собой наука, ее содержание и функции, связь с другими областями общественной жизни, методы проведения научных, в частности диссертационных, исследований. Все это, конечно, должно быть связано со спецификой борьбы с преступностью органов внутренних дел и внутренних войск, обеспечения ими правопорядка в стране.

Приведенные обстоятельства диктуют необходимость рассмотрения методологических вопросов подготовки, проведения и оценки результатов научного исследования.

Прежде всего необходимо исходить из того,

что наука – это форма общественного сознания, это исторически сложившаяся система упорядоченных знаний, истинность которых проверяется практикой и самой наукой. То обстоятельство, что истинность проверяется не только практикой, но и самой наукой, представляется принципиально важным, поскольку в эпоху вульгарного материализма считалось, что истинность научных знаний проверяется только или преимущественно практикой. Это не так, потому что в первую очередь ученые могут и должны подтверждать или опровергать то, что уже добыто наукой, обеспечивая тем самым ее движение вперед. Они же обязаны развивать достигнутое.

Проверка научных результатов практикой – совсем не такое простое дело. Она отнюдь не заключается только в оценках практических работников, а предполагает объективное отношение к результатам внедрения в практику борьбы с преступностью результатов научных изысканий.

Науковедение (наука о науке) различает два основных уровня научных исследований: описательный, или феноменологический, когда явление (феномен) только или в основном описывается, и нефеноменологический, сущностью которого является объяснение. Качество науки, ее уровень зависят от качества объяснения, иначе говоря, без объяснения нет теории. Описательный уровень обычно предшествует объяснительному, и чем лучше и всесторонне явление описано, чем более глубокие и развернутые характеристики ему даны, тем качественнее должно быть объяснение. Для борьбы с преступностью нефеноменологические исследования особенно важны, поскольку именно они дают возможность построить эффективную систему профилактики правонарушений, которая должна быть нацелена на выявление и устранение причин преступлений.

Объяснение в науках криминального профиля не обязательно должно охватывать только глобальные явления, например всю преступность, ее причины. В криминалистике или оперативно-розыскной деятельности различные рекомендации стратегического или тактического характера должны быть построены на знании причин тех или иных явлений, относительно которых они даны, в том числе психологического характера.

Научные исследования в сфере борьбы с преступностью могут быть как фундаментальными, так и прикладными. Фундаментальными следует признать те, которые основаны на объяснительных конструкциях и, как правило, с использованием достижений других наук. Это, образно говоря, самые главные, глубинные исследования, они поэтому достовернее других и могут принести практике больше пользы. Следовательно, на базе

таких исследований обязательно должны быть сделаны практические выводы и даны практические же рекомендации. Борьба с такими явлениями, как экономическая преступность, сексуальная преступность, убийства, терроризм, экстремизм, и некоторыми другими невозможна без фундаментальных исследований. Чтобы предупреждать сексуальные посягательства, например, необходимо широко использовать достижения психологии (патопсихологии), сексологии и психиатрии. В этих целях можно рекомендовать кооперацию с представителями соответствующих наук.

Фундаментальные исследования в сфере борьбы с преступностью направлены на познание принципиальных основ и глубинных явлений и процессов в социальной жизни, определяющих правопорядок в обществе и возможности его обеспечения, на те человеческие (личностные) факторы, которые на индивидуальном уровне порождают преступное поведение, наконец, на те методы, с помощью которых можно исследовать как общесоциальные, так и индивидуально-личностные особенности, приводящие соответственно к преступности и преступлению. Именно в связи с фундаментальными исследованиями можно ожидать наибольшего продвижения в деле борьбы с преступностью, поскольку как раз такие исследования могут дать принципиально новые результаты и позволить отбросить общепризнанные положения и гипотезы. Причем, как и в любой другой науке, фундаментальные исследования в «криминальных» дисциплинах могут поставить больше проблем, чем решить. Они требуют огромных усилий, постоянного поиска и перевооружения, т.е. смены методик, комбинации методик, значительных материальных затрат при всем том, что конечный положительный результат далеко не всегда бывает очевиден. Иными словами, фундаментальным исследованиям больше, чем другим, свойственна неопределенность, возможно, обусловленная тем, что практика еще не знает, как использовать полученные результаты. Между тем такие исследования могут дать толчок прикладным работам, реализация которых способна достаточно точно указать на возможности практического применения. Может случиться так, что ученый захочет продолжать «чистые» фундаментальные исследования в сфере борьбы с преступностью с помощью достижений (в той или иной форме) психологии, или социологии, или физиологии и т.д., не желая тратить усилия на разработку практических предложений и рекомендаций. Такому ученому, даже работающему в определенном ведомстве, не

следует чинить никаких препятствий, а напротив, всячески поощрять его.

Замечу также, что не всегда можно четко разграничить фундаментальные и прикладные исследования. Поэтому первые ни в коем случае не могут «изгоняться» из планов научно-исследовательской деятельности учебных и иных заведений МВД России. Я не случайно делаю акцент на этом обстоятельстве. Существует мнение, что в таких заведениях должна господствовать «милицейская» наука, но такой науки нет и, надеюсь, никогда не будет. Однако любые фундаментальные изыскания, коль скоро они осуществляются в системе МВД России, обязательно должны «выходить» на правоохранительную практику органов внутренних дел, т.е. иметь прикладное значение.

Сами по себе прикладные научные исследования составляют неотъемлемую часть работы в учебных и научно-исследовательских учреждениях МВД России. Такие исследования призваны решать более частные и менее трудные, хотя и важные задачи; для их проведения в меньшей мере нужны исследователи самого высшего класса. Вместе с тем, в них могут быть активно использованы фундаментальные научные достижения, причем и такие, которые уже давно и хорошо известны специалистам. Прикладные исследования одних и тех же проблем могут осуществляться наряду с фундаментальными изысканиями, дополняя, иногда существенно, последние.

Очень важным этапом проведения фундаментальных или (и) прикладных исследований является выбор проблем, подлежащих изучению. Решение этого вопроса может иметь первостепенную важность, поскольку сосредоточение внимания ученых на малозначимых, мелких проблемах, даже не требующих научного вмешательства, обрекает всю исследовательскую деятельность на неэффективность, практические органы в этом случае не получают ничего, время и материальные ресурсы оказываются растраченными впустую.

Опыт показывает, что выбор проблемы происходит главным образом двумя путями: либо тему исследования «заказывают» практические органы, руководители МВД России и его отдельных служб, либо такую тему выбирают сами ученые, они как бы «выходят» на нее в результате уже проведенных исследований. Каждый из этих путей имеет свои достоинства и недостатки. Так, практические органы могут ходатайствовать о проведении исследования по вопросам, которые уже достаточно хорошо изучены, а сами научные сотрудники предлагать такие темы исследований, которые малозначимы для борьбы с пре-

ступностью. Практические работники, особенно на местах, подчас не совсем ясно представляют себе, что такое научное исследование, для чего оно нужно, какие результаты можно получить с его помощью. Поэтому иногда обращаются с такими вопросами, которые не требуют никаких научных исследований и могут быть решены иными путями. Если научно-исследовательское или учебное учреждение пойдет по пути 100-процентного приема тех заявок, которые поступают в его адрес, то оно будет только выполнять заказы, далеко не всегда имеющие отношение к науке. Поэтому я хочу сказать, что результаты научных исследований напрямую зависят от того, по чьей инициативе эти научные исследования были начаты.

Вот почему крайне желательно, чтобы потребности практики совпадали бы с творческими интересами научных работников и преподавателей научно-исследовательских и учебных заведений МВД России. К числу потребностей практики следует отнести сам учебный процесс в учебных заведениях: преподавание является самым масштабным внедрением научных достижений в деятельность по борьбе с преступностью. Естественно, что такие достижения есть, но их получению в учебных заведениях, как ни парадоксально, иногда может препятствовать сам учебный процесс, особенно в тех случаях, когда преподаватели не способны рационально распределить свое время и внимание. В целом же в учебных заведениях научные исследования больше проводятся в рамках кандидатских и докторских работ, чем эти заведения существенно отличаются от научно-исследовательских учреждений.

Специфична проблема выбора темы кандидатского или докторского диссертационного исследования. Здесь, как ни в какой другой научной работе, должны учитываться интересы и предпочтения автора (соискателя). Однако, коль скоро речь идет о диссертациях в системе МВД России, они обязательно должны быть ориентированы на практическую работу в области борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка, но предлагать научно обоснованные, научно достоверные формы и методы решения соответствующих проблем.

Выбор темы кандидатского или докторского диссертационного исследования в сфере борьбы с преступностью всегда сложен. Желающему провести исследование в рамках кандидатской диссертации, если он приходит, так сказать, со стороны, из числа практических работников обычно на выбор предоставляется несколько тем. В некоторых случаях у соискателя уже есть готовая для исследования проблема и он поступает в аспирантуру (адъюнктуру) с намерением

сделать ее темой диссертации. Научные сотрудники и преподаватели, желающие стать кандидатами наук, в ходе своей работы в научно-исследовательском или учебном заведении сами могут «выйти» на проблемы, могущие стать объектом их диссертации.

Что касается тех, которые хотели бы получить степень доктора наук, то они не имеют морального права выискивать темы исследований в вузах или научно-исследовательских учреждениях, поскольку должны самостоятельно прийти к ним в ходе своей научной деятельности.

Несколько слов о научных руководителях и научных консультантах. Они призваны определять основные направления исследований, помогать в обеспечении новизны, значимости, достоверности материала и сделанных на его основе выводов и предложений. Следует именно помогать, а не делать работу за своего подопечного, становясь, в сущности, его соавтором, а иногда и автором его диссертации.

Если брать не только диссертационные, но и любые другие научные работы, на основании которых даются рекомендации и предложения, то оперативному работнику, следователю или руководителю органа внутренних дел совсем не нужно знать, на основании каких сложнейших психологических, биологических, экономических и тому подобных научных изысканий автор или авторы пришли к данным практическим выводам. Они лишь должны быть уверены в том, что предлагаемые рекомендации достоверны.

Это связано с методологией исследования. Хочу напомнить, что методология происходит от слова метод. Метод в переводе с греческого языка означает «путь к чему-нибудь». Следовательно, это путь или к истине, или к заблуждению, или к частичному заблуждению и т.д. Путь к истине сам должен быть истинным.

Науковедение рассматривает методологию в различных смыслах. В первом – это общая исследовательская позиция, установка, общий подход к явлениям и процессам, которые должны исследоваться. Иногда методологию понимают и как представление ученых о «своей» науке, ее предмете, потенциале, перспективах развития, месте среди других наук, методах исследованиях, структуре и т.д. Во втором – это учение о конкретных методах научного познания, применяемых в какой-либо науке или группе наук, их эффективности, валидности и т.д. Все эти аспекты очень важны для правильной организации, продумывания каждого научного исследования.

Как я себе представляю эту общую позицию, эту общую установку? Сейчас в мире не только в гуманитарных, но и в естественных и технических

науках преобладает та общая принципиальная диспозиция, которая может быть обозначена понятием диалектики или диалектического метода. Действительно, во всем мире чаще всего используются именно диалектические методы познания. Правда, в последние годы в нашей стране сложилось скептическое отношение к диалектике, которая многими исследователями оценивается как пережиток советского отношения к науке и научным исследованиям. Но это совсем не так. Ведь диалектика как общая установка на исследование, на познание, как принцип познания сложилась еще в Древней Греции. И никто не упрекнет Платона или Аристотеля в том, что они были заражены коммунистической идеологией. Нельзя отрицать диалектику только потому, что в советское время ее использовали для вульгаризации науки и доказывания коммунистических химер. Нет никаких оснований пренебрегать ею для научных исследований, она сама ничем себя не скомпрометировала. Когда мы изучаем какие-либо криминальные явления и их причины, когда мы прослеживаем их историю и историю уголовно-правовых и иных мер борьбы с ней, то мы как раз и берем на вооружение диалектический метод.

Совокупность приемов, методов исследования, в какой-либо науке – тоже очень важный ее аспект. Причем необходимо сказать, что для какой-то группы наук данная группа методов является специфичной и не применяется в других науках. Например, те методы, которые используются в математических и физических науках, в подавляющем большинстве не применяются в гуманитарных. Хотя, конечно, в гуманитарных науках (например, в социологии, психологии, криминологии) используются и математические методы. Это вполне оправданно, особенно для получения более убедительных и точных результатов. Если брать, к примеру, криминологию, то при проведении конкретных криминологических исследований чаще всего применяют статистические, социологические и психологические методы.

Если придерживаться известного утверждения, что путь к истине сам должен быть истинным, то неизбежно возникает вопрос о том, какие же методы необходимо использовать в каждом конкретном случае. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего надо ясно представлять себе природу того явления, которое предстоит исследовать, и выбирать адекватные ей методы. Кроме того, надо решить, какие цели ставит перед собой исследователь, в чем смысл исследования в целом? Если эти вопросы перед собой не ставить, то очень трудно решить, какие методы можно применять.

В научных исследованиях нельзя использовать методы одной природы для познания явлений совсем другой природы. Так, в криминологии часто используют анкетирование уголовных дел для изучения мотивов преступного поведения, т.е. применяют социологический метод для получения сугубо психологической информации. Мотив – явление психологическое и только психологическое, это смысл поведения, то, ради чего оно осуществляется. Его не следует приписывать личности, его нужно извлекать из нее с помощью психологических методов, например тестов или (и) клинической беседы. К тому же в уголовном деле почти нет информации о мотивах, там есть только мотивировки, т.е. осмысленные предположения о внутренних стимулах поведения, причем нередко вызванные желанием самооправдания. Вот почему надо изучать не уголовные дела, а живых людей. Это относится и к диссертационным работам.

То же можно сказать и о чувствах, эмоциях, влечениях, темпераменте, интеллекте людей и т.д. – все эти явления относятся к психологии. Следовательно, их можно изучать только с помощью психологических методов и никаких других.

Особенно осторожно надо подходить к сбору конкретной эмпирической информации, который, отнюдь не является первым этапом исследования. По-моему, после того, как выбрана тема, стоит задуматься об уточнении ее границ, о том, какую природу имеют те явления, которые взяты для научного познания. И в зависимости от этого начать эмпирическое исследование. Но ему должен предшествовать еще один очень важный этап – ознакомление со всей имеющейся литературой по данному вопросу. Обращаясь к тем, кто готовит сейчас кандидатские диссертации, хочу заверить их, что без такого ознакомления невозможно подобрать конкретные методы исследования.

Необходимо внести некоторую ясность в использование имеющейся литературы. В кандидатских и докторских юридических диссертациях соискатели должны максимально использовать литературу, но, конечно, разумно – это одно из правил «игры», поскольку они должны показать свою эрудицию, доказать свою правоту или оспорить мнения других исследователей. Несколько иначе обстоит дело со статьями и монографиями. Сейчас считается хорошим тоном как можно больше использовать в них работы коллег, причем часто для подтверждения азбучных истин, однако подчас это просто скрывает отсутствие собственных мыслей. Так, в одной монографии, которая уместилась всего на 340 страницах, я на-

считал 1.107 сносок, что вызвало законный вопрос: в чем заключается авторство написавшего ее и не является ли эта книга библиографическим обзором, а не монографией? Некоторые научные работники и даже издатели наивно полагают, что наличие сносок свидетельствует о высоком теоретическом уровне работы. Это заблуждение, поскольку главным таким свидетельством служит объяснение исследуемого явления, которое может иметь место и с использованием других работ, и без него.

В юридических диссертациях и в других научных работах используется сравнение – законов других стран, теорий зарубежных ученых, традиций и обычаев иных народов (в основном в криминологических трудах), практики работы зарубежных правоохранительных органов. Каждое сравнение должно преследовать какую-то цель. Сравнивая, например, наши законы, скажем, с британскими, надо четко понимать, ради чего это проводится: то ли мы хотим рекомендовать их, то ли считаем их неправильными.

Необходимо остановиться и на таком методе, как исторический, который так часто используется у нас в диссертациях и других исследованиях. В большинстве случаев это изложение прежних, в том числе древних, законов, но чаще всего они приводятся лишь для украшения. Нередко научные руководители именно так и говорят, что это нужно для украшения, чтобы диссертация была как прекрасный букет. Я думаю, что для украшения ничего не надо делать. Привлечение исторического материала должно иметь определенный смысл и цель. Если это делается для того, чтобы показать, насколько непонимающими и ограниченными людьми были законодатели в древности, то не стоит на это тратить время, тем более что современные отнюдь не мудрее. Но, если надо что-то заимствовать из «старого» законодательства, из «старой» практики, из теорий предшественников, то, конечно, исторический экскурс надо проводить. Здесь исторический метод переплетается со сравнительным.

Хотел бы остановиться на культурологических аспектах юридического исследования. Культурологические изыскания весьма необходимы в исследованиях по уголовному праву, уголовно-процессуальному праву, уголовно-исполнительному праву, криминологии и по некоторым другим юридическим дисциплинам.

Сейчас отсутствие культурологического подхода является большим недостатком наших исследований. Думается, что это то новое, что можно взять на вооружение. В возможностях культурологического анализа я еще раз убедился, когда руководил подготовкой одной докторской

диссертации, которая была посвящена сексуальной преступности. Автор диссертации привел огромный культурологический материал об отношении общества и его групп к сексуально значимым поступкам в разные периоды: в древности, в средневековье, XIX веке, XX веке и в настоящее время. Он показал, откуда происходят нормы, запрещающие или разрешающие что-то. Были исследованы нормативные акты современных западных государств и ряда восточных исламских государств. Стало ясно, чей опыт, в первую очередь законодательный, можно заимствовать, а чего следует сильно опасаться.

Можно ли разделить все исследования на теоретические и эмпирические? Я думаю, что можно, даже в том смысле, что некоторые научные работы могут обходиться без эмпирических данных. В первую очередь это работы в сфере философии. Но если брать исследования в области борьбы с преступностью, то, конечно же, большая часть из них должна быть насыщена конкретными эмпирическими данными. Исключение здесь составляют науковедческие работы. Эмпирические данные могут быть взяты из статистики, и особенно из выборочных исследований, собственных или проведенных другими. Поэтому в наших исследованиях им надо придавать первостепенное значение. Это является свидетельством их обоснованности, достоверности и новизны.

Если мне будет позволено немножко покритиковать нашу научно-исследовательскую деятельность, то я бы сказал следующее. Наверное, ее основным недостатком является, во-первых, отсутствие нового эмпирического материала, когда переписываются старые работы и оттуда берется соответствующая конкретная информация либо когда ее заимствуют из Интернета. Второй недостаток, заключается с следующим: по окончании работы не ясно, что нового в результате получила наука. Особенно этим страдают диссертации, в том числе многие докторские. В них часто лишь повторяется то, что уже прекрасно известно, в итоге ничего не получает ни наука, ни практика. Поэтому еще на этапе утверждения темы соискатель должен ясно изложить, что нового он хочет сказать, особенно если речь идет о достаточно старой проблеме. Проблемы борьбы с убийствами или кражами существуют со времени появления человечества и они вечны, а борьба с этими явлениями всегда актуальна. Но нельзя в диссертациях постоянно, из года в год указывать, что среди воров было 30% (или 20, 25 и т.д.) лиц с неоконченным средним образованием, что они воспитывались в неполных семьях и т.д., поскольку это не открывает ничего нового и не име-

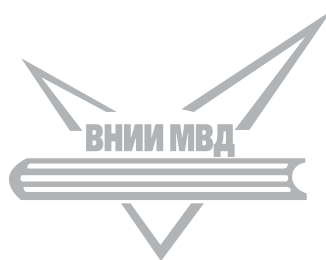
ет актуального значения для предупреждения таких преступлений.

По результатам плановых научных исследований готовятся аналитические справки, докладные записки, методические рекомендации, предложения и другие так называемые выходные документы. Это все правильно и не вызывает никаких сомнений. Однако такими документами, хотя они и необходимы, дело ни в коем случае не может ограничиваться. Ведь было проведено научное исследование, поэтому естественно ожидать и научных результатов, которые должны быть изложены в научных отчетах по теме, а также в книгах, статьях и т.д., обсуждаться на научных семинарах и конференциях.

На внедрение результатов научных исследований в практику борьбы с преступностью, в том числе нормотворческую деятельность, ознакомление с этими достижениями общественности существенное влияние оказывает сложившаяся в стране ситуация в издательском деле и книжной торговле.

Как известно, наиболее серьезные научные

достижения кратко излагаются в журнальных статьях, в развернутом же виде, с приведением необходимых доказательств и аргументов – в монографиях. Если возможности опубликования статей сейчас, в сущности, неограниченны, то с публикацией монографий дело обстоит очень плохо. Монографические труды с полным на то основанием можно назвать главным двигателем науки, именно по ним судят о ее состоянии, уровне ее достижений. Монографии питают учебники и учебные пособия, т.е. активно участвуют в обучении тысяч студентов. Однако именно монографии издательства стараются не публиковать, поскольку это «трудная» литература, она дольше, чем учебники и учебные пособия, залеживается на полках книжных магазинов. Учебники покупают студенты, принося быстрый доход, поэтому книжный рынок заполнен серыми, мало чем друг от друга отличающимися учебниками, многие из которых не несут никакого нового знания. Спрос на них рождает предложение, а поэтому немалая часть ученых вместо проведения серьезных научных исследований кропают учебники.

ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ МВД РОССИИ

РАБОТА СОВЕТА ПО НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ И ПЕРЕДОВОМУ ОПЫТУ СОВЕТА МВД РОССИИ ПО НАУКЕ И ПЕРЕДОВОМУ ОПЫТУ

24 апреля 2008 года в г. Москве состоялось заседание совета по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту Совета МВД России по науке и передовому опыту. Открыл заседание заместитель председателя совета по научно-гуманитарному обеспечению начальник ВИПК МВД России генерал-майор милиции Ю.Н. Демидов.

В заседании Совета приняли участие: начальник ВНИИ МВД России генерал-майор милиции С.И. Гирько, заместитель начальника Штаба ГУВД Московской области подполковник милиции О.А. Лытиков, заместитель начальника ДепУР МВД России генерал-майор милиции А.С. Савин, начальник Академии экономической безопасности МВД России генерал-майор милиции А.Г. Хабибулин, заместитель начальника ВНИИ МВД России полковник милиции О.В. Зимин, начальник Центра психофизиологической диагностики Медико-санитарного центра МВД России полковник внутренней службы Н.И. Мягких, начальник кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России майор милиции М.В. Пряхина, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России полковник внутренней службы М.И. Марьин и другие приглашенные лица.

В ходе заседания и развернувшейся затем

научной дискуссии были рассмотрены следующие вопросы:

1. Презентация журнала «Научный портал МВД России».

2. Об использовании в практической деятельности органов внутренних дел результатов диссертационных исследований, проводимых в Академии управления МВД России.

3. Об опыте взаимодействия УУР ГУВД по Краснодарскому краю с подразделениями ГУ ФСИН России по обмену оперативно-розыскной информацией и ее автоматизированному учету.

4. О развитии потенциала научных и образовательных учреждений МВД России в целях повышения эффективности научного обеспечения борьбы с преступлениями в экономической сфере.

5. О научном обеспечении психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Живую дискуссию вызвал второй вопрос, рассматриваемый на заседании совета, с докладом по которому выступил заместитель начальника Академии управления МВД России генерал-майор милиции А.А. Крылов.

В соответствии с решением совета ниже мы публикуем указанный доклад и приглашаем читателей и авторов нашего журнала к научной дискуссии по затронутой в докладе проблематике.

По результатам заседания было принято следующее решение.

**РЕШЕНИЕ СОВЕТА
ПО НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ И ПЕРЕДОВОМУ ОПЫТУ
СОВЕТА МВД РОССИИ ПО НАУКЕ И ПЕРЕДОВОМУ ОПЫТУ**

24 апреля 2008 г.

№ 1/3385

1. Рассмотрев вопрос «Об использовании в практической деятельности органов внутренних дел результатов диссертационных исследований, проводимых в Академии управления МВД России», совет по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту Совета МВД России по науке и передовому опыту решил:

1.1. Принять к сведению информацию об использовании в практической деятельности органов внутренних дел результатов диссертационных исследований, проводимых в Академии управления МВД России.

1.2. Рекомендовать ДКО МВД России (В.Я. Кикотю) совместно с Академией управления МВД России (В.В. Гордиенко) до 1 сентября т.г. проработать вопрос о внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России в части создания условий для приоритетного приема на факультет подготовки научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, в адъюнктуры и докторантуры лиц, имеющих опыт практической работы.

1.3. ОИД МВД России (А.С. Смирному), Академии управления МВД России (В.В. Гордиенко), ВНИИ МВД России (С.И. Гирько) до 1 сентября т.г. изучить вопрос об эффективности функционирования института координационных советов по специальностям в научных и образовательных учреждениях МВД России, а также целесообразности внесения изменений в приказ МВД России от 28 декабря 2005 г. № 1055.

1.4. ВНИИ МВД России (С.И. Гирько) опубликовать в ближайших номерах журнала «Научный портал МВД России» выступление на заседании совета заместителя начальника Академии управления МВД России А.А. Крылова и предоставить возможность для проведения дискуссии на тему о повышении эффективности использования в практической деятельности органов внутренних дел результатов диссертационных исследований.

2. Рассмотрев вопрос «Об опыте взаимодействия УУР ГУВД по Краснодарскому краю с подразделениями ГУ ФСИН России по Краснодарскому краю по обмену оперативно-розыскной информацией и ее учету», совет по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту Совета МВД России по науке и передовому опыту решил:

2.1. Признать опыт взаимодействия УУР ГУВД по Краснодарскому краю с подразделениями ГУ ФСИН России по обмену оперативно-розыскной информацией положительным и требующим полномасштабного распространения в системе МВД России.

2.2. ДепУР (И.Г. Галимову), ГИАЦ (С.В. Перову) МВД России:

2.2.1. До 1 июля т.г. подготовить для направления в Минюст России обращение Министра внутренних дел Российской Федерации о целесообразности создания совместной рабочей группы по разработке проекта нормативного правового акта о порядке обмена оперативно-розыскной информацией.

2.2.2. Во взаимодействии с Академией ФСИН России (А.Я. Гришко) до 1 августа т.г. подготовить аналитический обзор положительного опыта получения оперативно-розыскной информации в местах заключения и направить его в территориальные органы МВД России и ФСИН России.

2.3. ДепУР МВД России (И.Г. Галимову) до 1 октября т.г. разработать мероприятия по осуществлению контроля за внедрением положительного опыта в оперативно-служебную деятельность подразделений уголовного розыска МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации.

3. Рассмотрев вопрос «О развитии потенциала научных и образовательных учреждений МВД России в целях повышения эффективности научного обеспечения борьбы с преступлениями в экономической сфере», совет по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту Совета МВД России по науке и передовому опыту решил:

3.1. ДЭБ МВД России (Ю.А. Шалакову) совместно с АЭБ МВД России (А.Г. Хабибулину), Нижегородской Академией МВД России (В.И. Каныгину), Академией управления МВД России (В.В. Гордиенко), ВНИИ МВД России (С.И. Гирько), ОИД МВД России (А.С. Смирному) до 1 августа т.г. разработать рекомендации по общим требованиям и примерной структуре научно-исследовательских работ (методических рекомендаций и аналитических обзоров), проводимых в сфере обеспечения экономической безопасности.

4. Рассмотрев вопрос «О научном обеспечении психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел», совет по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту Совета МВД России по науке и передовому опыту решил:

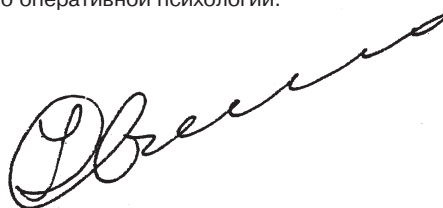
4.1. Академии управления МВД России (В.В. Гордиенко), ОИД МВД России (А.М. Смирному) до 1 июля т.г. проработать вопрос о создании научно-практического подразделения для обеспечения научных исследований по тематике психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел (за счет перераспределения штатной численности в Академии управления МВД России).

4.2. Академии управления МВД России (В.В. Гордиенко), Санкт-Петербургскому университету МВД России (В.А. Кудину), Уральскому юридическому институту МВД России (А.И. Гуку), ВИПК МВД России (Ю.Н. Демидову), ЦПД МСЦ МУ ДТ (Н.И. Мягких) с участием Академии ФСИН России до 1 сентября т.г. провести классификацию научно-исследовательских работ, выполненных научно-исследовательскими и образовательными учреждениями системы МВД России и Минюста России по вопросам психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности.

4.3. Академии управления МВД России (В.В. Гордиенко), Санкт-Петербургскому университету МВД России (В.А. Кудину) до 1 сентября т.г. разработать концепцию научного обеспечения психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

4.4. ВИПК МВД России (Ю.Н. Демидову) в четвертом квартале т.г. совместно с образовательными учреждениями МВД России разработать и утвердить в установленном порядке учебную программу повышения квалификации сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел по оперативной психологии.

Председатель совета по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту
статс-секретарь –
заместитель Министра внутренних дел
Российской Федерации
генерал-лейтенант милиции

Н.А. Овчинников

ДОКЛАД ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МИЛИЦИИ А.А. КРЫЛОВА

ПО ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОВОДИМЫХ В АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

УВАЖАЕМЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ! УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Диссертационные исследования в Академии управления и внедрение их результатов в практическую деятельность органов внутренних дел осуществляются в соответствии с приказом № 1055 от 28 декабря 2005 г. «Об организации научного обеспечения и распространения передового опыта в органах внутренних дел и внутренних войсках МВД России» и приказом № 610 от 7 августа 2003 г. «Об утверждении Положения о подготовке научно-педагогических кадров в образовательных учреждениях высшего профессионального образования и научно-исследовательских учреждений МВД России».

За годы существования Академии управления в адъюнктуре и докторантуре нашего учебного заведения диссертационные исследования проводились по 15 научным специальностям. Профилирующим их направлением являются проблемы управления и организации деятельности органов внутренних дел.

Сегодня сложно назвать точное количество диссертационных работ, подготовленных за 80 лет в нашем учебном заведении, юбилей которого планируется отпраздновать в сентябре следующего года. Однако только за последние 5 лет в Академии управления было защищено 543 диссертации, из них только сотрудниками Академии – 34.

Конечно, любое диссертационное исследование, выполненное в нашем ведомстве, должно так или иначе быть направлено на реализацию задач, стоящих перед органами внутренних дел. В этом смысле проблема внедрения в деятель-

ность органов внутренних дел результатов диссертационных исследований была и остается чрезвычайно актуальной.

Однако мне бы хотелось здесь привести слова Президента Российской Академии наук Юрия Осипова, который недавно в одном из своих выступлений сказал: «Конечно, нас должно интересовать, как можно использовать результаты исследований, но нельзя ставить прикладные задачи во главу угла. Такая подмена науки непосредственными практическими делами, внедрением угробит саму науку»¹.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Опыт показал, что на этапе подготовки диссертации и ее представления к защите автор в соответствии с установленным ВАКом порядком вынужден сам заниматься внедрением полученных результатов исследования для того, чтобы иметь соответствующий документ. После защиты диссертации далеко не каждый автор занимается проблемами внедрения своего исследования. Соискатель ученой степени обычно проводит научное исследование, получает соответствующую оценку научного сообщества и передает свою работу в общедоступную базу данных.

Возникает вопрос, кто должен осуществлять дальнейшее внедрение результатов исследований в практическую деятельность?

К сожалению, мы здесь наталкиваемся на проблему системного характера для российской хозяйственной практики. Причина всех проблем

¹ Российская газета. 2008. 8 февраля.

российской науки в последние десятилетия состоит в том, что она не востребована нашей экономикой. На нее нет реального спроса ни у власти, ни у хозяйственников.

В ныне действующей нормативной базе вопрос внедрения результатов научных исследований детально не проработан и должным образом не урегулирован. В последние годы на эту тему проводилось немало совещаний на различном уровне. Однако вопрос до конца не решен.

Сейчас целый ряд учебных и научных учреждений нашего ведомства работают над подготовкой Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел и внутренних войск на 2009-2013 гг.

Полагаем целесообразным поручить авторскому коллективу в рамках этой темы (*Плана научного обеспечения деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России на 2008 г. (п. 2.4.1)*) выработать научно обоснованный механизм реального внедрения результатов диссертационных исследований в практическую деятельность органов внутренних дел.

У нас, в Академии управления, есть на этот счет предложения, которые мы хотели бы довести до членов совета по научно-гуманитарному обеспечению и передовому опыту.

Во-первых, важно определиться, какими должны быть выходы результатов диссертационных исследований. В принципе, они перечислены в приказе МВД России от 28 декабря 2005 г. № 1055. Однако нам представляется, что каждое исследование должно завершаться специальным материалом для практических органов внутренних дел, в котором бы автор в концентрированном виде изложил значимые для практической деятельности предложения и рекомендации, разместил там проекты нормативных актов, авторские методики и т.д.

Во-вторых, формируемая ныне информационная база о диссертационных исследованиях в виде авторефератов не в полной мере позволяет ознакомиться с практическими предложениями авторов, так как автореферат дает весьма поверхностное представление о проведенном исследовании. Мы предлагаем вменить в обязанность образовательным и научным учреждениям МВД России требовать от соискателей подготовки специальных материалов для практических органов внутренних дел по теме проведенного диссертационного исследования, которые должны передаваться в ГИАЦ МВД России вместе с авторефератом диссертации.

Специального обсуждения требует вопрос тематики проводимых диссертационных исследований. Мы не сторонники жестких, админист-

ративных мер при утверждении тем диссертаций. Вместе с тем, учитывая специализацию Академии управления, придерживаемся их определенной направленности.

Мы считаем, что ученым советам образовательных и научных учреждений системы МВД России при планировании диссертационных исследований необходимо исходить прежде всего из специализации, которая определена приказом МВД России от 28 декабря 2005 г. № 1055.

Хотелось бы также обратить внимание членов научно-гуманитарного совета на деятельность координационных советов по научным специальностям диссертационных исследований. В Академии управления сформированы координационные советы по шести научным специальностям.

Практика показала, что работа этих координационных советов не влияет на теоретическую и практическую значимость планируемых диссертационных исследований, а только усложняет бюрократические процедуры, связанные с их подготовкой.

Несколько слов хотелось бы сказать о существующей системе учета и регистрации диссертационных исследований.

Во-первых, сегодня система регистрации такова, что в базу данных ГИАЦ МВД России попадают лишь авторефераты, а не сами диссертации.

Во-вторых, диссертационные исследования, которые были выполнены вне нашего ведомства, но были защищены в наших диссертационных советах и представляют практический интерес для органов внутренних дел, сегодня учету не подлежат и в базу данных вообще не попадают.

Такой порядок сильно сужает возможность сотрудников органов внутренних дел ознакомиться через ведомственные информационные базы с работами, представляющими реальный интерес для практической деятельности.

Поэтому мы предлагаем в целях полного учета результатов научных исследований осуществлять в ведомственных информационных базах регистрацию всех диссертационных исследований, защищенных в учебных и научных заведениях МВД России.

Мы также предлагаем обратить внимание и на исследования, выполненные в наших образовательных учреждениях коллегами из стран СНГ. Конечные результаты этих работ также полностью не учитываются. В то же время среди последних немало таких, в которых наш российский опыт правоохранительной деятельности переносится на почву зарубежной полиции. Разве это не внедрение в практическую деятельность органов внутренних дел?

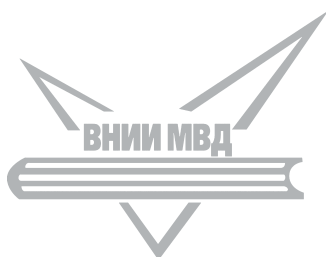
Опыт работы Академии управления показал, что внедрение в деятельность органов внутренних дел результатов диссертационных исследований сильно зависит от того, кто и с чем приходит учиться в адъюнктуру и докторантуру. Если туда поступает человек с отличным образованием и приличным практическим опытом, предполагающий в будущем работать в учебном или научном учреждении, то нет никаких сомнений, что диссертация будет сделана в срок и станет полезной для нашего ведомства.

Поэтому при ежегодном планировании набора на очную форму обучения в адъюнктуру и докторантуру следует исходить прежде всего из потребностей научных и образовательных учреждений системы МВД России.

Более того, образовательным учреждениям МВД России целесообразно принимать в адъюнктуру и докторантуру лишь лиц с опытом практической работы в территориальных и отраслевых подразделениях органов внутренних дел не менее 2 лет и имеющих склонность к научной деятельности, а таким специфическим учебным заведениям, как Академия управления, принимать на факультет подготовки научно-педагогических кадров лишь лиц старшего начальствующего состава и, как исключение, лиц среднего начальствующего состава, имеющих опыт практической работы не менее 5 лет.

Кроме того, считаем необходимым повысить ответственность комплектующих органов за кандидатов, которых они направляют с практической работы на обучение в адъюнктуру и докторантуру. Одной из форм реализации этой задачи может стать направление практических работников органов внутренних дел в адъюнктуру с темой-заявкой комплектующего органа, в интересах которого должно выполняться диссертационное исследование, нацеленное на решение конкретной проблемы, актуальной для региона.

В заключение следует сказать, что сегодня в Академии управления принимается целый ряд практических мер, направленных на повышение качества диссертационных исследований и их использование в практической деятельности органов внутренних дел. Так, в настоящее время подготовлен приказ «О повышении эффективности научного руководства и качества подготовки диссертационных исследований». Разрабатывается положение об общественном экспертном совете Академии управления МВД России, призванном осуществлять экспертизы диссертационных исследований. Эти и другие принимаемые меры будут способствовать, по нашему мнению, повышению их результативности и востребованности последними органами внутренних дел.

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ЗАСЕДАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ ОТ 27 МАРТА 2008 года

25 марта 2008 года в г. Москве состоялось заседание Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Вел заседание Председатель Комиссии, Министр внутренних дел Российской Федерации **Р.Г. НУРГАЛИЕВ**.

На заседании присутствовали:

члены Комиссии: А.Д. Алханов, С.А. Аристов, В.Ю. Голубовский, В.В. Захаренков, О.В. Зыков, С.Н. Король, М.О. Корунова, Н.А. Панков, В.А. Петренко, Л.М. Романов, А.С. Соколов, А.А. Чекалин, С.А. Шляков, О.В. Шарапова, Т.В. Яковлева;

приглашенные от Аппарата Правительства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации: М.М. Бариев, А.В. Бедрик, А.Ю. Бегишев, Т.В. Бельмачева, Н.А. Воробьева, Н.А. Гедмина, М.П. Денисов, Е.Н. Завгородняя, Ю.Б. Котов, Е.М. Красильникова, Т.С. Лебедева, С.Н. Мартынова, Н.Н. Никулина, Т.Н. Панфилова, Г.Р. Старкова, Л.И. Тропина, И.А. Щербакова;

ответственные работники федеральных органов власти: М.Н. Артамошкин, Н.Е. Борисова, С.В. Вителис, А.А. Гериш, М.В. Зайцева, Т.К. Иванова, Н.О. Исаев, Г.Н. Истомина, Мельниченко, И.А. Ножов, В.Л. Полозюк, Н.А. Яковлева;

представители общественных объединений: С.В. Волкова, М.И. Гончаров, Ю.Н. Голов, В.Г. Кратковский, Н.В. Федоренко.

Со вступительным словом выступил Министр внутренних дел Российской Федерации генерал армии Р.Г. Нурғалиев, который отметил, что в «Год семьи» мы должны внести свой вклад в решение проблем семейного неблагополучия. В докладе были приведены статистические данные о количестве поставленных на учет в ПДН неблагополучных семей, о розыске несовершеннолетних, ушедших от родителей и из детских воспитательных учреждений, о количестве детей, находящихся в розыске, а также конкретные примеры.

В ходе заседания были приняты решения по трем вопросам:

I. Формирование правовой базы ювенальной юстиции в Российской Федерации. Внедрение ювенальных технологий в работу с несовершеннолетними правонарушителями в субъектах Российской Федерации. Об образовательных стандартах подготовки специалистов в области ювенальной юстиции.

Членам комиссии – представить в Секретариат Комиссии пакет документов о практике работы ювенальных судов на территории субъектов Российской Федерации.

Секретариату Комиссии – подготовить и направить предложения:

В Государственную Думу Российской Федерации – по вопросу принятия поправки в Конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в части введения ювенальных судов.

В Верховный Суд Российской Федерации – с просьбой о проведении мониторинга судебных решений, принимаемых ювенальными судами в субъектах Российской Федерации, и их эффективности в сфере предупреждения повторной преступности несовершеннолетних и рассмотрении данного вопроса на Пленуме Верховного Суда.

Минобрнауке России – проработать вопрос о необходимости введения специальности «Ювенальная юстиция» в рамках проведения курсов повышения квалификации в системе высшего профессионального образования. О принятом решении проинформировать Секретариат Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав до 1 сентября 2008 г.

II. О приоритетных направлениях совершенствования федерального законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав.

Рекомендовать Минобрнауке России, Минздравсоцразвитию России, Минкультуре России, Росспорту России, ФСКН России – рассмотреть на коллегиях (экспертных советах) приоритетные

вопросы законотворческой деятельности в сфере профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав. Принять меры по доработке и сопровождению в законодательных инстанциях ранее разработанных законопроектов с учетом предложений органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, о чем проинформировать Секретариат Комиссии до 1 января 2009 г.

Секретариату Комиссии – проанализировать эффективность деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав субъектов Российской Федерации за 2007 год в сфере защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на получение ими жилья. Результаты доложить на следующем заседании Комиссии.

III. Об опыте работы по военно-патриотическому воспитанию подростков в суворовских военных, Нахимовском военно-морском, военно-музыкальном училищах и кадетских корпусах Минобороны России.

Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации:

Организовать работу по заключению соглашений об установлении шефства над суворовскими военными, Нахимовским военно-морским, военно-музыкальным училищами и кадетскими корпусами Минобороны России, о чем проинформировать Секретариат Комиссии до 1 января 2009 г.

До 1 октября 2008 г. направить в Секретариат Комиссии информацию о деятельности в системе общего образования кадетских школ и специализированных классов по профилю: МЧС и правоохранительная направленность.

IV. О принимаемых мерах по реализации законодательства в сфере защиты прав и законных интересов семьи и детей, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в субъектах Российской Федерации.

Ответственному секретарю Комиссии до 28 марта 2008 г. осуществить выезд в Республику Мордовия и принять участие в заседании Правительства Мордовии по вопросу организации деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

С учетом доклада Ответственного секретаря Комиссии о массовом закрытии в Республике Мордовия сельских школ, выявленных фактах сокрытия администрациями образовательных учреждений преступлений и правонарушений, совершенных учащимися, рекомендовать:

Минобрнауке России – пересмотреть крите-

рии оценки и систему финансирования средних общеобразовательных учреждений в сельской местности, способствующую сокращению числа малокомплектных школ и ставок социальных педагогов и психологов.

Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации довести указанную информацию до сведения ответственных работников образовательных учреждений. Рассмотреть вопрос о целесообразности внедрения в деятельность образовательных учреждений оценки по ранней профилактике правонарушений среди учащихся.

О принятых мерах проинформировать Секретариат Комиссии до 1 января 2009 года.

Подводя итоги заседания, Министр внутренних дел Российской Федерации генерал армии Р.Г. Нургалиев сказал:

«Комиссия рассматривает создание ювенальной юстиции как способ формирования правовой основы социальной политики в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации.

Внедрение эффективных ювенальных технологий может обеспечить решение таких острых проблем, как детская беспризорность, наркомания и преступность.

В прошедшем году была проделана активная работа по подготовке законопроектов в сфере профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав.

Выражу общее мнение, если скажу, что вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав на сегодняшний день требуют своего совершенствования. В первую очередь необходимо принять закон о повышении роли органов опеки и попечительства в решении проблем детей-сирот, внести изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации в части ужесточения санкций за преступления, сопряженные с насильственными действиями сексуального характера. На федеральном уровне ускорить принятие закона, устанавливающего ограничения на пребывание несовершеннолетних в общественных местах в вечернее и ночное время без сопровождения родителей либо лиц, их заменяющих.

Из субъектов Российской Федерации в Секретариат Комиссии поступают многочисленные обращения ответственных работников комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав о необходимости законодательного регулирования деятельности комиссий на федеральном уровне.

Нам всем необходимо помнить, что несовершенство законодательства используется пре-

ступниками в угоду своим интересам и позволяет зачастую избежать ответственности. От того, как мы проявляем законодательную инициативу, порой зависят судьбы наших граждан, и в первую очередь детей. Еще раз призываю Вас, уважаемые члены Комиссии, проанализировать ситуацию, учесть практику применения законодательства в регионах.

Сегодня принимаются все меры по восстановлению престижа службы Отечеству в Российской Армии. С ребятами проводятся многочисленные мероприятия. Все больше детей имеют возможность отдохнуть и оздоровиться в военно-спортивных лагерях. Обучение в военно-учебных заведениях, в том числе суворовских военных училищах, кадетских корпусах, Нахимовском военно-морском училище, Московском военно-музыкальном училище является престижным и востребованным. Вместе с тем, таких учебных заведений недостаточно. Считаю, что в работе с «трудными» подростками должен использоваться потенциал офицерского состава воинских частей на территории всей России.

В рамках деятельности Правительственной комиссии проведен анализ сведений, поступивших из субъектов Российской Федерации, свидетельствующий об активизации деятельности по развитию семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Сегодня идет поиск новых форм государственного и негосударственного устройства детей данной категории. К инновационным формам воспитания детей-сирот относятся в первую очередь патронатное воспитание и семейные воспитательные группы, семейные детские дома.

В результате принятых мер в стране идет процесс оптимизации детских учреждений. На базе детских домов открываются детские сады, приюты, учреждения социальной помощи семье и детям.

Важно в данный момент говорить не о сокращении числа таких учреждений, а о перепрофилировании их в учреждения с инновационными технологиями, в учреждения при органах опеки и попечительства, где специалисты будут готовить детей к самостоятельной жизни, обучать и сопровождать граждан, готовых принять в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей.

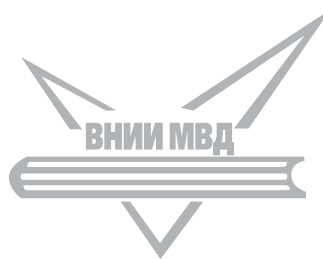
Считаю недопустимым закрытие детских учреждений, в том числе и общеобразовательных школ, особенно в сельской местности, когда дети, чтобы получить знания, вынуждены преодолевать расстояния в несколько километров. Отсюда и безграмотность, и массовая миграция граждан из сел и деревень.

Следующий вопрос, который необходимо обозначить как важный для профилактики правонарушений несовершеннолетних, – это обеспечение ресоциализации подростков, отбывших наказание в воспитательных колониях. Корень проблемы заключается в нашем отношении к такой категории детей – поместили, осудили и забыли. Именно по этой причине возможны такие примеры, какие были приведены сегодня по Невельской колонии.

Необходимо организовать работу по сопровождению каждого осужденного несовершеннолетнего, реабилитации и подготовке семьи к принятию ребенка после освобождения, сохранять преемственность в подходах к его исправлению.

Ситуацию, связанную с сокрытием фактов жестокого обращения с учащимися со стороны сотрудников образования в Республике Мордовии, считаю преступной. Еще более возмутительно препятствие школьному инспектору в раскрытии данного преступления».

В заключение заседания Комиссии был зачитан приказ о награждении почетными знаками «За содействие МВД России», почетными грамотами и благодарностями.

РАЗДЕЛ I

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Е.Д. ШЕЛКОВНИКОВА,
доктор юридических наук, профессор
(Московский лингвистический университет)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ АНТИКВАРНОГО ОРУЖИЯ

В оружии, как ни в каком другом предмете, воплощены технические достижения, конструкторская мысль и художественный стиль той или иной эпохи. Поэтому лучшие образцы антикварного оружия являются культурным наследием государства. Для отечественной юридической науки и практики, в особенности, характерен интерес к оружию исключительно как к средству криминальной деятельности, но вместе с тем оружие – это особый предмет материального мира, резко выделяющийся из прочих достижений мировой цивилизации.

Собирание старинного оружия с целью его коллекционирования издавна является достаточно распространенным, престижным и довольно изысканным занятием. Самые первые собрания оружия представляли собой оружейные арсеналы, которые могли быть частными, родовыми либо служили оружейными складами. Причем к оружейной коллекции имела отношение лишь та часть арсеналов, которая предназначалась для личного использования не столько в бою, сколько в торжественной обстановке, а также дорогое оружие, специально изготовленное для подарка, или трофейное оружие, которое ценилось за отделку, художественную работу, было редким или имело мемориальное значение. Постепенно выработывался и еще один признак коллекционного

оружия: употребление в неординарных обстоятельствах (не по его прямому назначению). К числу таких оружейных арсеналов нашей страны прежде всего относятся знаменитое собрание Оружейной палаты Государственного музея-заповедника «Московский Кремль», арсенал Государственного Эрмитажа, собрание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (СПб).

Со временем коллекции старинного холодного оружия перестают быть военными арсеналами и обретают самостоятельную функцию. Так, в Европе собирание исторического оружия приобрело особый размах в эпоху Ренессанса – с XV века. Именно с этого времени европейское оружие стало в своих лучших образцах превращаться в подлинные произведения искусства. Над оформлением оружия начинают работать профессиональные художники, рисовавшие эскизы для мастеров-оружейников.

В XVII-XIX вв. в Европе и у нас, в России, формируются основные крупнейшие собрания оружия государей и частных лиц. Одно из лучших оружейных собраний мира в петербургском Эрмитаже базируется на личной коллекции, которую начал собирать еще император Николай I. Однако роль оружия в познании прошлого была осмыслена историками лишь в XIX веке.

Как видим, коллекционирование оружия стало осуществляться не только музеями, но и частными лицами. Собираение различных экземпляров оружия – старинного, богато украшенного, трофейного и др. – существовало в России уже давно, но вначале не воспринималось как специальная деятельность. Перелом в сознании российских любителей оружия произошел примерно в конце 70-х годов XVIII в., когда, по мнению А.Н. Кулинского, коллекционирование приобрело статус самостоятельного культурного явления во многом благодаря собирательской деятельности Екатерины II¹. Он полагает, что именно на этот период пришелся расцвет коллекционирования в России, который был, в частности, связан и с появлением идеи музея, где планировалось представить лучшие произведения различных времен и народов (живописи, скульптуры, книги, ювелирные изделия, редкостей и др.).

Однако процесс частного коллекционирования оружия протекал не столь быстро. Отечественных книг об оружии в России тогда еще не было, поэтому представители аристократических фамилий российского дворянства первые знания по истории оружия и идеи его коллекционирования почерпнули из зарубежных источников, путешествуя по Европе. К примеру, граф П.Б. Шереметев свое собрание оружия из усадьбы Кусково превратил в отдельную коллекцию, которая к началу XX в. стала крупнейшей и богатейшей частной оружейной коллекцией страны. А уже ближе к первой половине XIX в. созданием исторических и художественных собраний оружия, которое они нередко приобретали на крупных ярмарках и толкучках, существовавших тогда в крупных городах России, стали заниматься и некоторые дворяне – любители редкостей. Именно тогда начали формироваться специализированные оружейные коллекции. К примеру, приведенный в книге «Частные коллекции оружия в дореволюционной России» краткий биографический словарь-справочник российских владельцев частных собраний и коллекционеров оружия XVIII – начала XX в. насчитывает пока лишь около 240 имен. Но посмотрите, какие это имена: многочисленные представители династии Романовых – Петр I, Петр III, Николай I, Александр II; Апраксины; Волконские; Вяземские; Долгоруковы; Нарышкины; Нессельроде; Орловы; Румянцевы; Салтыковы. Примечательно, что видными коллекционерами оружия становились и представительницы пре-

красного пола – выдающийся деятель в области русской культуры и искусства княгиня М.К. Тенишева; глава Московского археологического общества княгиня П.С. Уварова. Подчеркнем, что многие частные коллекционеры оружия были видными меценатами и жертвовали музеям свои коллекции. К примеру, известнейший художник-баталист В.В. Верещагин в 1898 г. пожертвовал Российскому Историческому музею коллекцию предметов вооружения и быта народов Средней Азии. А основатель частного общедоступного музея, коллекционер и собиратель русских и восточных древностей П.И. Щукин специальный раздел музея посвятил русскому оружию XVIII-XIX вв. И подобных примеров благородных поступков частных коллекционеров можно привести немало.

В связи с этим для юристов интересен вопрос: существовала ли до 1917 г. проблема правового регулирования частного коллекционирования оружия в России? Проведенное сравнительно-правовое исследование законодательства Российской империи показало, что в Своде законов Российской империи нет ни строчки о том, в соответствии с какими нормами права частное лицо должно коллекционировать оружие. Отсюда можно сделать вывод: вплоть до Октябрьской революции 1917 г. коллекционированием оружия совершенно свободно мог увлекаться каждый подданный Российской Империи.

Однако после завоевания власти большевиками положение коллекционеров оружия, впрочем, как и иных владельцев оружия боевого и гражданского образца, коренным образом изменилось. Советское государство жестко упорядочило правовой режим оборота оружия в стране, незамедлительно приняв Декрет СНК РСФСР от 10 декабря 1918 г. «О сдаче оружия»¹, которым все население обязывались сдать имеющееся на руках оружие, в противном же случае лица, не исполнившие данное предписание, подвергались лишению свободы на срок до 10 лет. Так руководители страны Советов добровольно-принудительным путем пытались упрочить свою власть. Увы, многочисленные отечественные частные коллекции оружия были либо увезены их владельцами за рубеж, либо разграблены в революционном вихре перемен или же, в лучшем случае, поступили в музейные собрания России. В это тревожное время прежде спокойно себя чувствующие частные коллекционеры оружия автоматически подпадали под статью о незаконном хранении оружия, а у некоторых из них были целые его арсеналы. Кстати, по УК РСФСР 1922 г. за неза-

¹ См.: Кулинский А.Н. К истории собраний и частного коллекционирования оружия в дореволюционной России. // Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М.: Галерея «Русские палаты», 2004. С. 12.

¹ СУ. 1918. № 93. Ст. 933.

конное хранение оружия предусматривалась ответственность в виде принудительных работ (ст. 220 УК РСФСР).

Впоследствии в Уголовном кодексе РСФСР 1964 г. за незаконное ношение, хранение или сбыт огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего) закреплена уголовная ответственность уже в виде наказания до 5 лет лишения свободы, впрочем, хранение холодного оружия было исключено из данного состава преступления (ст. 218). Заметим, что любой подпольный частный советский коллекционер оружия содержание этой статьи Уголовного кодекса знал досконально, но на свой страх и риск собирать оружие тайно продолжал, поскольку любое коллекционирование есть не просто увлечение, а сложившийся неизменный образ жизни.

Постепенно в Советском Союзе были законно признаны многие виды коллекционирования: картин, антиквариата, старинных монет, значков и прочего. Однако сфера коллекционирования оружия долгое время по существу была «вне закона», а потому находилась под особым контролем органов внутренних дел. Сами же частные коллекционеры оружия подвергались постоянным гонениям, в результате которых одни из них «ушли в подполье», надежно утаив свои коллекции, другие же были арестованы, а их коллекции изъяты, и куда они делись потом, неизвестно.

Впервые право граждан лиц на коллекционирование оружия было закреплено в Законе РФ «Об оружии» 1992 г. Однако ни в нем, ни в принятых затем нормативных правовых актах не было ответа на такие главные для коллекционера оружия вопросы: «Любой ли вид оружия может являться предметом коллекционирования?» «Как, на основании чего признавать и регистрировать коллекцию оружия?» «Какой документ при этом следует выдавать его владельцу?» «Если гражданин только намеревается заняться коллекционированием оружия, что ему должно быть органами внутренних дел разрешено и как это следует оформить?» В ст. 25 ныне действующего Федерального закона «Об оружии» 1996 г. предусмотрен такой специальный вид владения оружием, как его коллекционирование. Исходя из смысла данной статьи объектами самого коллекционирования могут быть практически любые виды оружия, в том числе и не перечисленные в самом законе, а также конструктивно схожие с оружием изделия.

На территории Российской Федерации коллекционирование холодного оружия осуществляется на основании лицензий, выдаваемых органами внутренних дел или специально уполномоченными органами Министерства культуры

России. Сам механизм выдачи лицензий на коллекционирование оружия определен в разделе VIII Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814¹ и приказом МВД России № 288 – 1999 г.

В соответствии с этими нормативными актами субъектами коллекционирования оружия являются юридические лица и граждане Российской Федерации. При этом коллекцией признается оружие, приобретенное юридическим лицом с целью коллекционирования, а также приобретенное с этой же целью гражданином Российской Федерации и превышающее 5 ед. любого из видов гражданского оружия (а именно такое количество единиц оружия установлено ст. 13 ФЗ «Об оружии»), на приобретение которого требуется получение лицензии в органах внутренних дел. По заявлению гражданина ему выдается лицензия на коллекционирование оружия в порядке, предусмотренном п. 30 Правил. Юридическим лицам и гражданам в целях коллекционирования запрещено: коллекционировать оружие и патроны без получения соответствующей лицензии; коллекционировать виды, типы и модели оружия, не предусмотренные лицензией на коллекционирование (п. 41 Правил). Те, кто нарушил эти запреты, подлежат ответственности в соответствии с нормами уголовного, административного и гражданского законодательства. Само же оружие, которое является предметом незаконного коллекционирования, подлежит изъятию (п. 1 ст. 27 ФЗ «Об оружии»).

Заметим лишь, что в Федеральном законе «Об оружии» ничего не говорится о коллекционировании антикварного оружия. Но ведь такой вид оружия существует, и ученые относят его к «оружию, имеющему культурную ценность».

Пока же за пределами действия Федерального закона «Об оружии» осталось оружие, не являющееся боевым ручным стрелковым и холодным, служебным или гражданским. Оно не занесено в Государственный кадастр служебного и гражданского оружия и не состоит на вооружении государственных военизированных организаций. Мы имеем в виду оружие, представляющее собой культурную ценность, и его разновидность – старинное оружие.

В последнее время у коллекционеров старинного оружия и владельцев антикварных салонов все чаще с неизбежностью возникает вопрос: «В соответствии с какими нормативными право-

¹ См.: Российская газета. 1998. 4 сент.

выми актами можно легально продавать, покупать и коллекционировать старинное огнестрельное и холодное оружие в отсутствие специальной базы в ныне действующем российском законодательстве?». Действительно, ни для кого не является секретом, что за последний год правоохранительными органами (органами внутренних дел и прокуратуры) возбуждено далеко не одно уголовное дело по пп. 1 и 4 ст. 222 УК РФ в отношении незаконного оборота старинного огнестрельного и холодного оружия его владельцами. И далеко не каждое из них прекращено за отсутствием состава преступления.

Действительно, на сегодняшний день в российском законодательстве правовой статус старинного оружия в законе не определен. Однако в соответствии с азами юриспруденции любой пробел в законе восполним применением схожей нормы права по аналогии. В таком случае определим, какие же нормы международного права и действующего российского права применимы по аналогии к определению правового статуса антикварного оружия.

Уже шесть лет назад в целях создания системы нормативного правового регулирования оборота антикварного оружия как составной части оружия, имеющего культурную ценность, Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации 2 ноября 2001 г. в первом чтении единогласно был принят законопроект «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оружии». В настоящее время в рамках рабочей группы при Комитете безопасности Госдумы РФ на основании поправок, внесенных в данный законопроект субъектами законодательной инициативы, проводятся его уточнение, согласование и подготовка к рассмотрению во втором чтении. Большая работа в этом направлении осуществляется Департаментом массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства Российской Федерации и Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия (Россвязьохранкультура). Все это с очевидностью вызывает необходимость дополнить ст. 1 Федерального закона «Об оружии» следующим положением: «Действие настоящего Закона не распространяется на оборот старинного, имеющего культурную ценность оружия», закрепив в ФЗ «Об оружии» дефиницию «старинное оружие». Подобное дополнение ст. 1 Закона «Об оружии» полностью соответствует международной практике решения подобных вопросов в оружейном законодательстве большинства зарубежных государств (США, Великобритании, Франции, Беларуси, Литвы, Молдовы и др.).

А теперь о современном правовом статусе старинного оружия и о том, как восполнить пробел, имеющей место в Федеральном законе «Об оружии», путем применения аналогии закона.

В настоящее время нормативно-правовую базу оборота старинного оружия, его копий и реплик составляют положения ФЗ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»; ФЗ от 24 апреля 1996 г. (в ред. от 10 января 2003 г. № 15-ФЗ; от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; ФЗ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 (в ред. от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ) «О вывозе из Российской Федерации и ввозе в Российскую Федерацию культурных ценностей»; ФЗ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; ФЗ от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ (с изменениями на 21 марта 2005 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности»; постановления Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (п. 2); постановления Правительства Российской Федерации «О Таможенном тарифе Российской Федерации и товарной номенклатуре, применяемой при осуществлении внешнеэкономической деятельности» от 30 октября 2001 г. № 830 (с изменениями от 30 августа 2002 г. № 642); постановления Правительства РФ от 6 июня 1998 г. № 569 «Об утверждении Правил комиссионной торговли непродовольственными товарами» (с изм. и доп. от 12 октября 1999 г., 22 февраля 2001 г.); постановления Правительства РФ от 11 февраля 2002 г. № 135 «О лицензировании отдельных видов деятельности»; постановления Правительства РФ 5 декабря 2005 г. № 718 «О награждении оружием граждан Российской Федерации», а также ряда ведомственных нормативных правовых актов.

В настоящее время торговая деятельность, как и сделки купли-продажи старинного оружия, его реплик и копий осуществляется без лицензий органов внутренних дел на их приобретение при наличии заключений историко-искусствоведческих экспертиз о признании этих предметов культурными ценностями, которые должны быть зарегистрированы в Россвязьохранкультуре.

Соответственно признание оружия, основной части огнестрельного оружия и патронов к нему предметами антиквариата на сегодняшний день осуществляется только посредством экспертного заключения о признании их культурной ценностью в порядке, определяемом п. 2 постановляющей части постановления Правительства

РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (с изменениями от 5 июня 2000 г., 11 марта 2002 г., 6 февраля, 17 ноября 2004 г., 4 апреля, 5, 30 декабря 2005 г.)

А теперь перейдем к рассмотрению норм международного права, регламентирующих правовой статус предметов антиквариата. В соответствии со ст. 4 Конвенции ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Париж, 17 ноября 1970 г.), постановлением Правительства РФ от 30 ноября 2001 г. № 830, определившим товарную номенклатуру (код 9706), и другими нормативными актами к предметам антиквариата относятся старинные предметы более чем 100-летней давности. Учитывая, что данная Конвенция ратифицирована бывшим СССР в 1988 г., на территории Российской Федерации она подлежит безусловному исполнению как международно-правовой акт прямого действия, поскольку на основании п. 4 ст. 15 Конституции РФ «обще-признанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Исходя из смысла ч. 3 и 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 3 ст. 5 ФЗ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»; постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о незаконном обороте оружия (п. 10); постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» международные договоры имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации (при условии вступления их в силу и после

официального опубликования в Собрании законодательства Российской Федерации или в Бюллетене международных договоров.

При этом все экспертные заключения о признании культурной ценности старинного оружия (их копий и реплик) должны иметь обязательную государственную регистрацию Рос-связьохранкультуры. При этом в экспертных заключениях должен содержаться однозначный ответ на вопросы: признается ли атрибутированное экспертом оружие культурной ценностью; относится ли оно к числу старинного оружия.

При отрицательном заключении историко-культурной и искусствоведческой экспертизы у органов внутренних дел возникнут основания для установления экспертами-криминалистами оснований к отнесению заявленного оружия к числу боевого, служебного или гражданского на основании положений Федерального закона «Об оружии».

В настоящее время в отделе контроля за вывозом и ввозом культурных ценностей Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия ведется журнал регистрации владельцев антикварного оружия. По данным МВД России, в нашей стране сейчас официально насчитывается 789 частных коллекционеров оружия. В частных коллекциях находится 9 803 ед. оружия, к которым относится и старинное. И число зарегистрированных коллекционеров оружия постоянно растет. Например, только за последние полгода к ним прибавилось около сотни человек.

Впрочем, в нашей стране старинное оружие уже давно находится в обороте: покупается, продается и коллекционируется. Поэтому действующей Федеральным закон «Об оружии», в котором нет ни слова о правовом статусе старинного оружия, явно отстал от жизни. Тем не менее мы твердо уверены в том, что недалек тот день, когда в нем появятся новые статьи об оружии, имеющем культурную ценность. Ведь еще юристы Древнего Рима утверждали: «LEX PROSPICIT, NON RESPICT» («Закон должен смотреть вперед, а не назад»).

М.А. ГРОМОВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ, ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: СООТНОШЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

На протяжении длительного времени в зарубежной и отечественной научной литературе¹ исследуются проблемы упорядочения деятельности государственных институтов власти и управления на всех уровнях, органов местного самоуправления, а также определения и закрепления объема прав, обязанностей и ответственности граждан, должностных и юридических лиц при возникновении ситуаций и обстоятельств, вызывающих необходимость установления различных видов правовых режимов, которых в современной социальной практике достаточно много.

Причем, кроме определения понятий «административный правовой режим», «особый правовой режим», «правовой режим», «режим», их совокупности, видов, содержания, осуществляется их классификация по значимым для теории и социальной практики критериям (основаниям), а также законодательное закрепление всех вопросов по эффективной реализации указанных правовых режимов, достижению целей, выполнению возникающих задач и функций органами государственного управления, в том числе правоохранительными органами и силовыми структурами.

В последние десятилетия более активными оказались представители административистского направления, административистской школы, а не школы социального управления.

Не случайно, рассматривая понятия «режим», «правовой режим», классифицируя их, они сформулировали и общее понятие «административно-правовой режим», подчеркивая тем самым принадлежность его к своей школе, к своему предмету исследования.

Так, один из представителей административистской школы Д.Н. Бахрах под административно-правовым режимом понимает «сочетание административно-правовых средств регулирования, опосредованное централизованным порядком, императивным методом юридического воздействия, которое выражается в том, что субъекты правоотношений по своему статусу занимают юридически неравные позиции»¹.

В таком понимании в управленческой сфере создаются отношения подчинения при любом виде административно-правового режима² с уче-

¹ См., напр.: Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908; Вендель Ж. Административное право Франции. М., 1973; Бахрах Д.Н. Административное право. М.; СПб., 1996; Розанов И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Гос. и право. 1996. № 9. С. 84-91; Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса: Учебник. М., 1998; Ласточкин В.В. Административно-правовые режимы и охрана государственной границы. М., 1999; Попова Н.Ф. Военное положение: административно-правовой аспект: Монография. М.: ВНИИ МВД России, 1999; Рушайло В.Б. Административно-правовые режимы: Монография. М.: Щит-М, 2000; Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации: Монография. М.: Маркет ДС, 2005.

¹ Бахрах Д.Н. Административное право. М., 1996. С. 202.

² Административное право, опираясь на общие принципы российского права, использует специфические приемы и методы регулирования, которые и выделяют отраслевой режим этой правовой сферы. Предметом административного права являются общественные отношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в связи с реализацией публичной власти органами исполнительной власти государства и органами местного самоуправления, а также внутриорганизационные отношения, возникающие в процессе деятельности всех ветвей власти и органов местного самоуправления. (См.: Веремеенко И.И. К вопросу о предмете административного права // Актуальные проблемы совершенствования организационных и правовых основ деятельности органов внутренних дел: Труды Академии управления МВД России (Юбилейный выпуск). М., 1999. С. 36.)

том специфики, особенностей каждого из них и объема установленных в законодательных и иных нормативных правовых актах запретов, ограничений и дозволений.

Административно-правовой режим характеризуется прежде всего административными правоотношениями, когда имеются обязанности и права сторон. Он отличается определенной законом исполнительно-распорядительной деятельностью, причем одной из сторон выступает субъект исполнительной власти государства, осуществляется на властно-императивных основах, формируя отношения подчинения.

Другой исследователь И.С. Розанов под административно-правовым режимом понимает «установленную в законодательном порядке совокупность правил деятельности, действий или поведения граждан и юридических лиц, а также порядок реализации ими своих прав в определенных условиях (ситуациях) обеспечения и поддержания суверенитета и обороны государства, интересов безопасности и охраны общественного порядка специально созданными для этой цели службами государственного управления»¹.

Розанов И.С. классифицирует все виды административно-правовых режимов прежде всего по степени их принадлежности к обеспечению внешней и внутренней безопасности страны на пять групп.

К первой группе, по его мнению, относятся режимы, призванные обеспечивать интересы государственной безопасности страны (режим защиты государственной тайны, пограничный режим, режим въезда в Российскую Федерацию и выезда из нее).

Ко второй группе он относит режимы, в равной степени предусматривающие интересы обеспечения безопасности государства и общественного порядка (режим проживания и передвижения иностранцев на территории страны, режим обеспечения безопасности гражданской авиации от актов незаконного вмешательства).

Третья группа режимов, как считает этот автор, устанавливается преимущественно в целях обеспечения общественного порядка (режимы в сфере разрешительной системы и в паспортно-визовой системе, миграционный режим и др.).

Четвертую группу составляют режимы, способствующие обеспечению внешней и внутренней безопасности (санитарный режим, ветеринарный режим, таможенный режим и др.).

Пятую группу, с его точки зрения, образуют

режимы, преследующие цели поддержания обороноспособности страны, национальной безопасности в условиях экстремальных ситуаций (военная угроза, стихийные бедствия, массовые беспорядки и т.д.). Такими режимами являются особые правовые режимы чрезвычайного положения и военного положения.

Кроме классификации административно-правовых режимов по степени их принадлежности к обеспечению внешней и внутренней безопасности, последние также классифицируются:

по объектам обеспечения – на специальные режимы территорий (зона экологического бедствия и т.д.) и на режимы видов деятельности (функционирование гражданской обороны и др.);

по временным параметрам действия – на постоянные (паспортный, регистрационный режим и др.) и временные (карантин, чрезвычайное положение, военное положение и др.);

по территориальному критерию – на федеральные и региональные (заповедник, закрытые административно-территориальные образования).

Ю.А. Тихомиров полагает, что «административно-правовой режим представляет собой специфический порядок деятельности субъектов права в различных сферах государственной жизни»¹. Он считает, что по критерию цели режимы можно разделить на три большие группы.

Первая группа охватывает административно-правовые режимы для определенных государственно-правовых состояний (чрезвычайного и военного положений, охраны государственной границы, таможенных границ, регулирования внешнеторговой деятельности и др.).

Вторая группа включает в себя функциональные административно-правовые режимы, призванные обеспечить функции управления в различных сферах деятельности (налоговой, санитарной, экологической и т.д.).

Третья группа режимов представляет собой легализующие режимы, касающиеся как официальной регистрации юридических и физических лиц, так и регламентации нормативных требований к видам деятельности.

В.В. Ласточкин определяет понятие административно-правового режима как «совокупность правовых установлений и необходимых организационных управленческих мероприятий, обеспечивающих порядок реализации отдельными гражданами своих соответствующих прав и обязанностей, а также такой порядок деятельно-

¹ Розанов И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Гос. и право. 1996. № 9. С. 84-91.

¹ Тихомиров Ю.А. Указ. раб. С. 404.

сти государственных органов и общественных объединений, который наиболее адекватно отвечает интересам обеспечения безопасности и охраны общественного порядка на данном строго ограниченном участке государственного управления»¹.

Рассматривая содержание отдельных видов административно-правовых режимов, целесообразно отметить следующее:

1. Представители административистской школы идут по пути универсализации понятия «административно-правовой режим», распространяя его на все виды правовых режимов, подтягивая их в «прокрустово ложе» административных правоотношений, причем в ряде моментов не замечая того, что в условиях конкретного режима субъекты вступают не только в административные правоотношения, но и в другие, например управленческие, государственно-правовые, международно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые, трудовые. На наш взгляд, не в полной мере учитывается организационно-правовой и управленческий аспекты. Правда, административным мерам принадлежит значительная роль в процессе реализации устанавливаемых государством властных предписаний.

Уже это говорит об определенной условности базового понятия «административно-правовой режим».

2. Для отдельных видов правовых режимов критерии их классификации не являются выдержанными, не отражают их существа, специфики, оснований их установления, объема ограничений и правомочий и, что особенно важно, реальной опасности для личности, общества и государства обстоятельств и ситуаций, их вызывающих (например, особые правовые режимы чрезвычайного положения и военного положения, правовой режим контртеррористической операции).

3. Многочисленность, многоаспектность и многообразность видов правовых режимов объективно существенно затрудняет их классификацию по четким и верным основаниям.

4. Имеется значительное разнообразие в определении самого базового, универсального понятия «административно-правовой режим».

5. Не всегда корректной и логичной является попытка включения различных по содержанию и сущностной природе видов правовых режимов в одну группу.

Вместе с тем, характерными признаками административно-правовых режимов являются:

определенные специальными нормами пра-

вила поведения физических, должностных и юридических лиц;

вынужденная детальная регламентация деятельности государственных органов и общественных объединений;

введение некоторых дополнительных правил или изъятие из общеобязательных правовых норм;

установление особого контроля за надлежащим соблюдением правопорядка в сфере действия особого режима и установление некоторых ограничительных мер¹.

Как отмечает В.Б. Рушайло, «необходимость административно-правовых режимов обусловлена главным образом наличием существующей опасности разного рода подрывной, террористической деятельности, различных экстремистских организаций, а также спецслужб иностранных государств.

В современных условиях государство вынуждено предпринимать необходимые усилия в своей внешней безопасности и прибегать к внутригосударственным общим мерам, создающим необходимые условия для воспрепятствования тем или иным акциям подрывной или преступной деятельности»².

Административно-правовой режим в национальном, зарубежном и международном праве зиждется на четырех принципах:

на административной юстиции как форме разрешения споров и конфликтов;

особом порядке издания и действия административных актов;

принципе законности, означающем связанность государственной администрации правом;

принципе ответственности публичной власти за причиненный ущерб либо другие виновные действия.

Административно-правовой режим, как пишет Ж. Вендель, относится к публично-правовым и касается регламентации деятельности государственной администрации и ее взаимоотношений с частными лицами³.

Шаг вперед в процессе понимания сущности административно-правового режима сделан А.В. Мелехиным, который определил, что «среди ученых, занимающихся исследованием сущности и содержания различных правовых режимов (Д.Н. Бахрах, В.М. Гессен, В.В. Гущин, Д.С. Жданкин, В.Б. Рушайло, А.В. Малько и О.С. Родионов, С.В. Пчелинцев, Ю.М. Козлов и Л.Л. Попов, Н.Ф. Попова, И.С. Розанов, Ю.А. Тихомиров и др.), нет

¹ См.: Ласточкин В.В. Указ. раб. С. 56.

² Рушайло В.Б. Указ. раб. С. 20-21.

³ См.: Вендель Ж. Указ. раб. С. 65.

¹ Ласточкин В.В. Указ. раб. С. 55-56.

единства точек зрения на сущность тех административно-правовых режимов, которые являются обязательной составной частью особых правовых режимов»¹.

Именно так он сформулировал, на наш взгляд, важное положение, суть которого состоит в том, что среди всей совокупности административно-правовых режимов имеются как их составная часть «особые правовые режимы», выделяющиеся своими характерными чертами, особенностями, параметрами. К особым правовым режимам А.В. Мелехин относит исключительное, военное, осадное и чрезвычайное положение, ссылаясь на многочисленные примеры в истории СССР и России. Эти режимы вводились в условиях военной интервенции, гражданской войны, контрреволюционных выступлений, массовых беспорядков, эпидемий, стихийных бедствий, Великой Отечественной войны 1941 – 1945 г., межнациональных конфликтов.

Мы согласны с такой точкой зрения А.В. Мелехина, хотя термин «особый правовой режим» применительно к названной группе правовых режимов нуждается в уточнении, и полагаем, что в данном случае более применимо понятие «чрезвычайные правовые режимы». В обоснование этого необходимо:

во-первых, провести сравнительный анализ и оценить словарное определение понятий «особый» и «чрезвычайный» применительно к обозначенной группе правовых режимов;

во-вторых, на содержательном уровне определить указанные виды правовых режимов с точки зрения того, являются ли они всего лишь административно-правовыми режимами, или особыми правовыми режимами, или чрезвычайными правовыми режимами;

в-третьих, исследовать характеризующие признаки указанной группы правовых режимов, чтобы сделать вывод о том, что они из себя представляют (чрезвычайное положение, военное положение, военное время, режим контртеррористической операции, осадное положение, исключительное положение) и как более правильно назвать указанную группу режимов.

На наш взгляд, понятие «административно-правовые режимы» является общим по отношению к «особым» или «чрезвычайным» правовым режимам, которые выступают частью общей совокупности административно-правовых режимов, и каждый индивидуальный вид особых или чрезвычайных правовых режимов является единственным по отношению к группе особых или чрез-

вычайных правовых режимов и общей совокупности административно-правовых режимов.

Однако указанная группа особых или чрезвычайных правовых режимов существенно отличается от всех других административно-правовых режимов. Рассматривая характеризующие признаки каждого из этой группы режимов, следует отметить:

общественную опасность чрезвычайных обстоятельств социально-политического, военного или криминального характера, а также чрезвычайных ситуаций природного, биолого-социального или техногенного характера, вызывающих необходимость установления соответствующих правовых режимов;

реальные угрозы личности, обществу и государству;

необходимость и обязательность чрезвычайных мер, задействования государственных систем, решительных адекватных действий в чрезвычайной обстановке;

необходимость федерального вмешательства для разрешения кризисных ситуаций социально-политического, военного или криминального характера.

Надо учитывать, что правоохранительные органы и силовые структуры, призванные решать задачи по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в условиях чрезвычайных правовых режимов, на практике используют следующую терминологию для обозначения, раскрытия своей деятельности: «чрезвычайная обстановка», «чрезвычайное происшествие», «чрезвычайное обстоятельство», «чрезвычайная ситуация», «чрезвычайная комиссия», «чрезвычайное положение».

В законодательных и иных нормативных правовых актах, образующих систему чрезвычайного законодательства, регулирующих деятельность правоохранительных органов в чрезвычайной обстановке, также используется указанная терминология.

В то же время термины «особые (особенные) обстоятельства», «особое положение», «особая ситуация» практически не применяются в практике деятельности правоохранительных органов и силовых структур, а также в законодательстве.

Термин «особый» хотя достаточно близок по смыслу и содержанию термину «чрезвычайный», но далеко не равнозначен ему.

В толковых словарях¹ термин «особый» означает: «отдельный, независимый от других (напри-

¹ Мелехин А.В. Указ. раб. С. 40.

¹ См.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Российская академия наук, 1997. С. 463, 887.

мер, особая комната, особые права, особое мнение), а также «не такой как все, необыкновенный, не как всегда, не как все, не как обычно».

Термин же «чрезвычайный» означает: «исключительный, превосходящий все, очень большой (например, чрезвычайное происшествие), специально для чего-нибудь назначенный, не предусмотренный обычным ходом дел (например, чрезвычайная комиссия, чрезвычайное законодательство – законы, принимаемые при особых обстоятельствах и предоставляющие особые полномочия главе государства, чрезвычайное положение – специальные правила, вводимые по отношению к гражданам при каких-нибудь особых обстоятельствах)».

Таким образом, выделение А.В. Мелехиным группы правовых режимов (чрезвычайное положение, военное положение, военное время, осадное положение, исключительное положение) из общей совокупности административно-правовых режимов и определение их как «особые правовые режимы» неосновательно. Целесообразно указанную группу правовых режимов объединить под общим названием «чрезвычайные правовые режимы», включив в нее еще и «правовой режим контртеррористической операции»¹.

Для указанного блока видов чрезвычайных правовых режимов характерны:

урегулированность порядка их установления конституционными и федеральными законами, относящимися к системе чрезвычайного законодательства;

комплексность и всесторонность организационно-правового регулирования деятельности государственных органов в условиях чрезвычайных правовых режимов;

четкая и полная регламентация ограничений конституционных прав и свобод граждан, должностных и юридических лиц в условиях каждого вида чрезвычайного правового режима;

четкое обозначение в законах совокупности чрезвычайных обстоятельств и чрезвычайных ситуаций как оснований для установления конкретного вида чрезвычайного правового режима;

законодательное определение содержания каждого вида чрезвычайного правового режима и включение в него комплекса экономических, политических, административных, военных, правовых, правоохранительных, идеологических и иных мер, направленных на предотвращение и пресечение чрезвычайных обстоятельств социально-политического, военного или криминального характера, а также на ликвидацию послед-

ствий чрезвычайных ситуаций природного, биолого-социального или техногенного характера.

Учитывая изложенное, под чрезвычайным правовым режимом нами понимается устанавливаемый в соответствии с федеральными конституционными или федеральными законами, относящимися к чрезвычайному законодательству, федеральными органами власти или специальными органами оперативного управления на региональном или муниципальном уровне на определенное время и на определенной территории особый порядок жизнедеятельности граждан, организаций, предприятий, учреждений, государственных органов федерального и регионального уровня, органов муниципального самоуправления с временными ограничениями конституционных прав и свобод граждан, должностных и юридических лиц, возложением на них дополнительных обязанностей, повышением ответственности в силу возникновения чрезвычайной обстановки, требующей применения норм чрезвычайного законодательства, принятия адекватных чрезвычайных мер, задействования объединенных группировок войск (сил) в рамках соответствующих государственных систем, направленных на предотвращение, пресечение и минимизацию последствий чрезвычайных обстоятельств социально-политического, военного или криминального характера, а также на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций природного, биолого-социального или техногенного характера в целях восстановления нарушенного общественного порядка и общественной безопасности, защиты прав и свобод личности, общества и государства, обеспечения Конституционных принципов территориальной целостности и суверенитета государства, национальной и военной безопасности.

В современном законодательстве сложилась следующая система специфических правовых режимов, которые мы называем чрезвычайными. К чрезвычайным правовым режимам, по нашему мнению, можно отнести:

особый правовой режим чрезвычайного положения¹;

особый правовой режим военного положения²; военное время³;

правовой режим контртеррористической операции⁴.

¹ См.: ФКЗ РФ от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении».

² См.: ФКЗ РФ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

³ См.: Пункт 18 ФЗ РФ от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

⁴ См.: ФЗ РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

¹ ФЗ РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

В период гражданской войны 1918 – 1922 г., военной интервенции и контрреволюционных мятежей в Советской России объявлялось *исключительное положение* как вид чрезвычайного правового режима для мобилизации всех сил и средств, направленных на преодоление реальных угроз молодой Республике Советов.

Кроме того, в период Великой Отечественной войны имела место практика установления *осадного положения* как одного из видов чрезвычайного правового режима. Например, когда враг подступал к Москве в октябре 1941 г., постановлением Государственного Комитета Обороны СССР устанавливалось осадное положение с системой чрезвычайных мер, чрезвычайных полномочий органов государственной власти и управления, правоохранительных органов и силовых структур, вплоть до расстрела на месте паникеров, мародеров, бандитов и диверсантов.

Перечисленные виды чрезвычайных правовых режимов образуют свою обособленную систему. Если проанализировать, сопоставить на содержательном уровне все перечисленные виды системы чрезвычайных правовых режимов, то выясняется следующее:

во-первых, каждый из них затрагивает различные сферы и области социальной практики в условиях возникшей чрезвычайной обстановки с возможными или реальными тяжкими последствиями для личности, общества и государства;

во-вторых, каждый из них регулируется федеральными законами Российской Федерации (ФКЗ РФ и ФЗ РФ), в которых определены: основания и порядок установления соответствующего чрезвычайного правового режима, время действия, полномочия органов власти, ответственность, силы и средства, задействуемые для обеспечения установленного режима, социальные гарантии, перечень мер и ограничений;

в-третьих, основаниями установления каждого из видов системы чрезвычайных правовых режимов являются определенные в законах различные чрезвычайные обстоятельства социально-политического, военного или криминального характера, а также чрезвычайные ситуации природного, биолого-социального или техногенного характера;

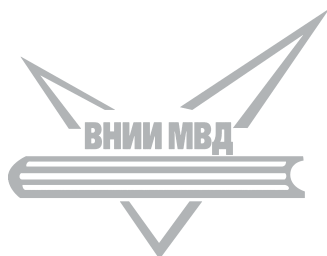
в-четвертых, каждый из них невозможно эффективно локализовать или ликвидировать последствия без установления соответствующего вида системы чрезвычайных правовых режимов с чрезвычайными мерами, усиливающими полномочия органов государственной власти, органов оперативного управления и временными существенными ограничениями прав и свобод граждан, должностных и юридических лиц;

в-пятых, для реализации чрезвычайных правовых режимов требуется создание и применение объединенной группировки войск (сил), задействования соответствующих государственных систем по предотвращению, пресечению, минимизации последствий указанных чрезвычайных обстоятельств или по ликвидации последствий указанных чрезвычайных ситуаций;

в-шестых, необходим обязательно прописанный в нормах чрезвычайного законодательства особый порядок установления каждого из перечисленных видов системы чрезвычайных правовых режимов;

в-седьмых, должен существовать урегулированный в федеральных конституционных и федеральных законах полный перечень временных чрезвычайных мер и ограничений прав и свобод граждан, должностных и юридических лиц;

в-восьмых, следует формулировать требования обоснования необходимости установления соответствующего вида системы чрезвычайных правовых режимов.

А.А. ДОЛГОПолов,
кандидат юридических наук
(ГУВД по Краснодарскому краю)

К ВОПРОСУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ВЗРЫВЧАТЫХ МАТЕРИАЛОВ

В настоящее время в Российской Федерации сложилась достаточно стройная система административно-правового регулирования лицензионной деятельности. Основу этой системы составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2006 г. № 45 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности». Кроме этого, в указанную систему входят законы Российской Федерации, регулирующие правоотношения, возникающие в процессе лицензирования конкретных видов деятельности, установленных Законом Российской Федерации «О лицензировании отдельных видов деятельности». К ним относятся федеральные законы «Об оружии», «О связи», «О государственной тайне и ряд других, всего таких законов федерального уровня насчитывается более тридцати. Помимо этого, неотъемлемой частью в образовании административно-правовых режимов в сфере лицензирования являются Уголовный, Гражданский, и другие кодексы Российской Федерации, иные федеральные законы, акты Президента, Правительства Российской Федерации, подзаконные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти в сфере лицензионной деятельности, а также утверждающие положения о федеральных органах исполнительной власти и возлагающие функции по лицензированию на эти органы. Перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих лицензирование, а также перечень видов деятельности, лицензирование которых осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, и федеральных органов исполнительной власти, раз-

рабатывающих проекты положений о лицензировании этих видов деятельности, устанавливается постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января 2006 г. № 45 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности».

Кроме названного, существенный массив нормативных правовых актов системы административно-правового регулирования лицензионной деятельности составляют постановления Правительства Российской Федерации, утверждающие положения о лицензировании конкретных видов деятельности. В них устанавливаются нормы, определяющие субъекты и объекты правоотношений в сфере конкретных видов деятельности, лицензионные требования и условия, перечень документов, представляемых в лицензирующий орган для получения лицензии, порядок и срок выдачи лицензии, порядок ведения реестра лицензий, сведения о компетенции лицензирующего органа, о его контрольных функциях, о порядке приостановления, аннулирования лицензии, порядок уплаты сборов за выдачу лицензии. Наряду с этим важное значение имеют нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, которыми устанавливаются режимные правила соответствующих административно-правовых режимов. Отдельную группу составляют нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации в сфере лицензирования тех видов деятельности, которые отнесены к их компетенции Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Цели лицензирования сформулированы в ст. 4 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», в которой установлено, что к лицензируемым относятся виды

деятельности, осуществление которых может повлечь за собой нанесение ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию народов Российской Федерации и регулирование которых не может осуществляться иными методами, кроме как лицензированием¹.

Действительно, применение режима лицензирования предоставляет определенные преимущества управляющим субъектам. В его рамках усиленный государственный контроль за деятельностью, представляющей публичный интерес, может быть реализован как путем предварительного (на стадии выдачи лицензии), так и путем последующего контроля за соблюдением владельцами лицензий условий, на которых они были выданы. Именно институт лицензирования позволяет государству обеспечить безопасность потенциально опасной деятельности, не вводя государственную монополию на ее осуществление и не ограничивая тем самым свободу предпринимательства. Отсутствие запрета на занятие определенной деятельностью соответствует принципам рыночной экономики, в то же время необходимость получения разрешения (лицензии) на осуществление такого рода деятельности обеспечивает безопасность государства².

Административно-правовой механизм обеспечения безопасности общества, выстроенный на основе лицензирования, позволяет принимать комплекс мер, предусмотренных лицензионными требованиями и условиями, обеспечивающими соответствие осуществляемой деятельности безопасности общества и государства. Безусловно, государство, устанавливая жесткие требования по отношению к отдельным физическим и юридическим лицам, занимающимся лицензируемыми видами деятельности, вынуждено ограничивать их права в интересах всего общества. Такое ограничение прав лицензиатов возможно исключительно на основании ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой права человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства³.

Лицензионная деятельность в области производства, хранения, распространения, применения взрывчатых материалов промышленного назначения регулируется постановлением Пра-

вительства Российской Федерации от 26 июня 2002 г. № 468 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности в области взрывчатых материалов промышленного назначения», согласно которому лицензии на осуществление деятельности в сфере оборота взрывчатых материалов выдаются только юридическим лицам¹.

Лицензирующими органами в сфере оборота взрывчатых материалов промышленного назначения в соответствии с вышеназванным постановлением Правительства Российской Федерации являются Российское агентство по боеприпасам и Федеральный горный и промышленный надзор России. При этом следует учесть, что Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»² упразднено Российское агентство по боеприпасам, а Федеральный горный и промышленный надзор России преобразован (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2004 г. № 649³) в Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору, функции по принятию нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности упраздненного Российского агентства по боеприпасам и преобразованию Федерального горного и промышленного надзора России переданы Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации. Кроме этого, Федеральному агентству по промышленности переданы правоприменительные функции, а также функции по оказанию государственных услуг и по управлению имуществом упраздненного Российского агентства по боеприпасам. Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с п. 4 вышеназванного Указа Президента Российской Федерации Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору не вправе осуществлять в установленной сфере деятельности нормативно-правовое регулирование, кроме случаев, устанавливаемых указами Президента Российской Федерации или постановлениями Правительства Российской Федерации, она (служба) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности⁴.

Таким образом, Федеральное агентство по промышленности осуществляет лицензирование производства взрывчатых материалов, используемых при проведении взрывных работ, хранения взрывчатых материалов, используемых при проведении взрывных работ, а также научно-иссле-

¹ См.: Российская газета. 2001. № 153-154. 10 авг.

² См.: Боганов А.Б. Лицензионное право. Теория, законодательство, практика. М., 2004. С. 59.

³ См.: Сборник законов Российской Федерации. М., 2003. С. 6.

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2608.

² См.: Российская газета. 2004. № 50. 12 марта.

³ См.: Российская газета. 2004. № 106. 22 мая.

⁴ См.: Там же.

довательских и экспериментальных работ по распространению взрывчатых материалов, используемых при проведении взрывных работ, применению взрывчатых материалов подведомственными организациями, выполняющими собственными силами специальные взрывчатые работы на своих территориях.

Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору осуществляет лицензирование производства взрывчатых материалов, используемых при проведении взрывных работ, в местах их применения, хранения взрывчатых материалов, осуществляемого организациями, производящими взрывчатые материалы на стационарных пунктах изготовления и в местах применения, ведущими взрывные работы, а также использующими взрывчатые материалы в научно-исследовательских, учебных и экспериментальных целях, распространения взрывчатых материалов, изготавливаемых в местах их применения и используемых при проведении взрывных работ, применения взрывчатых материалов всеми организациями, ведущими взрывные работы на гражданских объектах, независимо от ведомственной принадлежности.

В положениях о лицензировании производства взрывчатых материалов промышленного назначения, о лицензировании хранения взрывчатых материалов промышленного назначения дается определение понятия «взрывчатые материалы» – это взрывчатые вещества и изделия на их основе, средства инициирования и взрыва, применяемые при проведении взрывных работ.

В соответствии с вышеназванным постановлением Правительства Российской Федерации лицензионными требованиями и условиями при осуществлении производства и хранения взрывчатых материалов являются:

а) осуществление лицензируемой деятельности на производственных площадях с применением оборудования и контрольно-измерительной аппаратуры, обеспечивающих процесс хранения взрывчатых материалов в соответствии с установленными правилами эксплуатации и устройства предприятий и другими нормативными правовыми актами;

б) наличие квалифицированных работников, отвечающих требованиям Квалификационного справочника должностей руководителей специалистов и других служащих, утвержденного Министерством труда и социального развития Российской Федерации, а также прошедших обучение и стажировку в соответствии с установленными требованиями;

в) соблюдение Правил по организации и осуществлению производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах,

утвержденных Правительством Российской Федерации;

г) наличие сертификата безопасности для взрывоопасных производств;

д) наличие средств противопожарной защиты (пожарной сигнализации и пожаротушения), противопожарного водоснабжения, необходимых для ликвидации пожара, и расчетного запаса специальных средств, а также содержание их в работоспособном состоянии;

е) наличие плана действий персонала на случай пожара;

ж) обеспечение условий для сохранности и полного учета взрывчатых материалов и изделий на их основе, проведение режимно-охранных мероприятий по физической и технической защите используемых помещений (сооружений) и складских объектов, организации их вооруженной охраны в соответствии с установленными правилами эксплуатации и устройства предприятий и другими нормативными правовыми актами.

Аналогичны лицензионные требования и условия при осуществлении деятельности по распространению и применению взрывчатых материалов.

Наряду с изложенным выше порядком административно-правового регулирования оборота (производства, хранения, распространения, применения) взрывчатых материалов в настоящее время действует Инструкция о порядке хранения, использования и учета взрывчатых материалов, утвержденная совместным приказом Министерства внутренних дел СССР и Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору от 24 сентября 1984 г. № 125/203. Указанная Инструкция обязательна для предприятий, учреждений и организаций, использующих взрывчатые материалы при ведении взрывных работ, осуществляющих хранение и перевозки ВМ, а также для научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, использующих взрывчатые материалы в целях проведения научно-исследовательских, экспериментальных работ или в учебных целях, за исключением предприятий, учреждений и организаций Министерства обороны. Инструкция регулирует порядок хранения, использования приема отпуска учета взрывчатых материалов, устанавливает правила выдачи разрешений на право производства взрывных работ или на право работ с взрывчатыми материалами, выдачи разрешений на право хранения взрывчатых материалов, выдачи разрешений на приобретение взрывчатых материалов, а также на их перевозку.

Кроме того, что требования Инструкции к порядку оборота взрывчатых материалов в значительной степени отличаются от лицензионных

требований и условий, установленных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2002 г. № 468 «Об утверждении Положений о лицензировании деятельности в области взрывчатых материалов промышленного назначения», они включают в систему контроля, надзора за соблюдением правил оборота взрывчатых материалов органы внутренних дел, а также наделяют их правом выдачи соответствующих разрешительных документов. Без разрешений органов внутренних дел юридические лица, имеющие соответствующие лицензии, полученные либо в Федеральном агентстве по промышленности либо в Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору, не могут без разрешения органа внутренних дел хранить взрывчатые материалы (согласно п. 6.1. Инструкции руководитель предприятия (организации) должен иметь письменное разрешение органов внутренних дел на право хранения взрывчатых материалов на складах, площадках, в сейфах и любых других хранилищах), приобретать взрывчатые материалы (согласно п. 8.1. Инструкции разрешение на приобретение взрывчатых материалов выдается местным органом внутренних дел), перевозить взрывчатые материалы (согласно п. 9.1.2. Инструкции разрешения на перевозку взрывчатых материалов для предприятий и организаций выдаются местными органами внутренних дел).

Компетенция органов внутренних дел в области выдачи разрешительных документов в сфере оборота взрывчатых материалов устанавливается также постановлением Правительства Российской Федерации от 12 июня 2000 г. № 513 «О мерах по усилению государственного контроля за производством, распространением и применением взрывчатых веществ и отходов их производства, а также средств взрывания, порохов промышленного назначения и пиротехнических изделий в Российской Федерации», которым определено, что распространение взрывчатых материалов промышленного назначения в пределах Российской Федерации производится при наличии у потребителей разрешения органов внутренних дел Российской Федерации на их приобретение, хранение и перевозку автомобильным, морским и речным транспортом, выдаваемого на основании разрешения Федерального горного и промышленного надзора России.

Сложившаяся система правового регулирования в сфере оборота взрывчатых материалов противоречит нормам Конституции Российской Федерации, Федеральному закону «О лицензировании отдельных видов деятельности». Как мы уже отмечали, в соответствии с п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограниче-

ны федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, что не соблюдается в сфере правового регулирования оборота взрывчатых материалов, ввиду отсутствия в настоящее время Федерального закона «Об обороте взрывчатых материалов промышленного назначения».

Очевидно, что свободный оборот взрывчатых материалов недопустим, поскольку неконтролируемый допуск к ним неквалифицированного либо криминально ориентированного персонала может повлечь за собой общественно опасные последствия, нарушение законных интересов граждан и государства в целом. В целях недопущения противоправного использования взрывчатых материалов государство обязано установить жесткий административно-правовой режим оборота взрывчатых материалов, ввести режимные правила, юридические, организационные, информационные, материально-технические гарантии функционирования такого режима. Безусловно, в процессе реализации административно-правового режима оборота взрывчатых материалов могут быть ограничены права и свободы граждан, однако этот процесс должен осуществляться только на основании закона. Например, органы внутренних дел Российского Федерации на основании указания МВД России от 3 июня 1998 г. № 1/9068 «О мерах по усилению контроля за приобретением и хранением взрывчатых материалов», совместного приказа Госгортехнадзора и МВД СССР от 24 сентября 1984 г. № 125/203, других нормативных правовых актов при приеме граждан на работу, связанную с хранением, охраной, учетом, перевозкой и использованием взрывчатых материалов промышленного назначения, обязаны проводить обязательную проверку указанных лиц по специальным учетам органов внутренних дел и при получении данных об их судимости, криминальной направленности выносить заключение об отказе в допуске к такой деятельности. Признавая абсолютную целесообразность существования такого жесткого административно-правового режима допуска граждан к обороту взрывчатых материалов, необходимо отметить, что он может быть установлен только соответствующим федеральным законом.

Статья 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» дает определение лицензии – это специальное разрешение на осуществление конкретного вида деятельности при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий, выданное лицензирующим органом юридическому лицу

или индивидуальному предпринимателю. Таким образом, законодатель предусмотрел в качестве субъекта правоотношений по лицензированию конкретных видов деятельности только лицензирующий орган, иных органов исполнительной власти, имеющих право выдавать какие-либо разрешения на осуществление лицензируемого вида деятельности законом не предусмотрено. Статьей 17 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» устанавливается перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии. К ним относится и производство взрывчатых материалов промышленного назначения, применение взрывчатых материалов промышленного назначения, деятельность по распространению взрывчатых материалов промышленного назначения. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января 2006 г. № 45 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности» утвержден перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих лицензирование, согласно которому лицензирование деятельности по хранению, применению, распространению, взрывчатых материалов промышленного назначения возложено на Ростехнадзор России. Министерство внутренних дел России лицензирующим органом в указанной сфере деятельности не является. Таким образом, в соответствии с действующим законодательством органы внутренних дел не могут быть субъектами правоотношений в сфере лицензирования деятельности, связанной с оборотом взрывчатых материалов.

Вместе с тем, оборот взрывчатых материалов требует жесткого контролирующего, надзорного воздействия со стороны государства в целях предотвращения общественно опасных последствий, охраны жизни, здоровья, интересов граждан. Для решения такой задачи необходимо образовать соответствующие административно-правовые режимы деятельности органов внутренних дел в области лицензирования оборота взрывчатых материалов, определить виды деятельности в сфере оборота взрывчатых материалов, подлежащих лицензированию.

Установленный порядок лицензирования деятельности в области взрывчатых материалов промышленного назначения по своей правовой природе относится к административно-техническому регулированию, поскольку правовые нормы, регулирующие эту деятельность, как правило, являются технологическими, производственными, устанавливающими различного рода нормативы, требования к квалификации персонала, соблюдению мер безопасного ведения работ и тому подобное, как было отмечено выше в изложении лицензионных требований и условий

в сфере оборота взрывчатых материалов. Базовым законом в области технического регулирования является Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»¹, «который придал технико-юридическим нормам статус законодательных норм, способствуя тем самым формированию их мощного комплекса. Дана дефиниция технического регулирования как правового регулирования отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции, процессам производства и утилизации, а также в области установления и применения на добровольной основе требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранению, перевозке, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг и правовое регулирование отношений в области оценки соответствия»².

Однако в такой общественно важной сфере деятельности, как правомерный оборот взрывчатых материалов полагаться только на эффективность правового регулирования посредством технических норм государство не может. Тем более что в настоящее время пока еще «весьма низок уровень реального исполнения технико-юридических предписаний. А отсюда множество трагических последствий – игнорирование государственной экологической экспертизы, нарушение порядка согласования и утверждения проектной документации, отступление от технических правил в договорах, подделка и выпуск контрафактной продукции.

Особенно «грешат» нарушениями экономические субъекты, которые в погоне за прибылью часто игнорируют технико-юридические предписания»³. Поэтому государство в целях обеспечения безопасного оборота взрывчатых веществ должно выработать дополнительную форму контроля по предотвращению использования взрывчатых материалов в криминальных целях, обеспечения их сохранности. Для реализации этой цели лицензирующим органом, осуществляющим лицензирование деятельности по обеспечению сохранности взрывчатых материалов промышленного назначения (при производстве, хранении, распространении, применении, перевозке) в соответствии с Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» может стать Министерство внутренних дел Российской Федерации, а базовым законом – Федеральный

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (Ч. 1). Ст. 5140.

² Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. М., 2005. С. 171.

³ Там же. С. 173-174.

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Н.А. ИСАЕВ,
кандидат медицинских наук, доцент
(Орловский государственный университет)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

*«История детства — это кошмар,
от которого мы только начинаем
пробуждаться»*

Франц Кафка

Преступления, предусмотренные ст. 134 и 135 УК РФ, в уголовном праве часто обозначаются как «ненасильственные сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних»¹, что субъективно ориентирует на восприятие их как менее общественно опасных по сравнению с насильственными и сопровождается не всегда адекватной их криминологической характеристикой.

Применение термина «ненасильственные преступления» в отношении детей весьма проблематично. Это связано с несколькими причинами: 1) большие трудности возникают с получением свидетельских показаний от несовершеннолетних и малолетних и соответственно с выяснением факта, была ли, например, угроза применения насилия, когда действия должны квалифицироваться по ст. 131 или 132 УК, так как

насильственные сексуальные преступления не выделены в отдельный состав, а являются квалифицирующим признаком основного состава; 2) лишь с большой долей условности можно говорить о том, что сексуальные отношения с детьми могут носить добровольный характер; 3) вопрос о добровольности отношений вообще не имеет смысла в силу того, что дети находятся в зависимом от взрослых состоянии.

Например, Ю.Е. Пудовочкин преступления, квалифицированные по ст. 134 и 135 УК, рассматривает как нарушающие право на защиту от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации¹. Данный подход имеет несколько слабых позиций. Во-первых, под сексуальной эксплуатацией человека понимается использование занятия проституцией, иными формами сексуальной деятельности другими лицами, рабский труд и

¹ Краснюк Г.П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. СПб., 2002. С. 209.

услуги сексуального характера, причем подневольное состояние и эксплуатация относятся к диспозиции ст. 127¹ УК (торговля людьми), где квалифицирующим признаком по п. «б» ч. 2 выступает несовершеннолетний возраст потерпевшего. Во-вторых, термин «совращение» не имеет четкой юридической экспликации и по семантике может быть отнесен и к вовлечению в занятия проституцией (ст. 240 УК), и к понуждению (приневольиванию)¹ к действиям сексуального характера (ст. 133 УК), развратным действиям (ст. 135 УК). В-третьих, такое определение преступлений по ст. 134 и 135 УК не отражает их главной особенности – объект преступного посягательства. И как справедливо отмечает сам автор, непосредственным объектом данных преступлений выступает процесс нормального развития несовершеннолетнего.

Единства терминологии относительно сексуальных преступлений, направленных на детей, нет и в зарубежных исследованиях. Одни авторы, описывая непосредственные сексуальные контакты с ребенком, демонстрацию половых органов и прикосновения к телу, обозначают эти действия как сексуальные притязания². Другие – сексуальными посягательствами в отношении детей считают вовлечение зависимых детей и подростков в сексуальную активность, сущности которой последние не понимают и принципиально не способны дать согласие³. Термин «sexual molestation» обозначает сексуальные покушения, другими обозначениями насильственного и потенциально насильственного сексуального поведения в отношении детей служат «child abuse, child neglect», «sexual abuse» и «sexual harassment»⁴. Наиболее распространенным является термин «child sexual abuse», означающий сексуальное взаимоотношение взрослого и ребенка и включающий в себя ряд признаков: а) неравноправные взаимоотношения; б) односторонняя власть старшего над младшим, т.е. отношения доминирования-подчинения; в) ограничение свободы и возможности выбора у ребенка; г) мотив сексуального удовлетворения со стороны взрослого – основной мотив таких взаимоотношений⁵. «Child sexual abuse» подразделяется

на два вида: 1) сексуальные взаимоотношения взрослого и ребенка внутри семьи – инцест; 2) внесемейные сексуальные взаимоотношения – педофилия.

С криминологической точки зрения такая систематика представляется довольно удобной, но она нуждается в некоторых терминологических уточнениях. «Инцест» (от лат. – смешанный, грязный) в специализированной литературе по сексологии означает сексуальное сожителство между кровными родственниками, или кровосмешение. Такими родственниками выступают родители и дети, братья и сестра. В западной литературе криминологическое использование понятия «инцест» вполне оправданно, так как большинство уголовных кодексов этих государств выделяет кровнородственные сексуальные связи в отдельный состав преступления. Например, ст. 6 гл. 6 «О половых преступлениях» УК Швеции¹, § 211 Храздела «Преступные деяния против нравственности» УК Австрии² (кровосмешение), ст. 213 VI раздела «Преступления и проступки против семьи» УК Швейцарии³ (инцест) и т.д. Однако даже в перечисленных статьях инцест представляет собой сексуальную связь между взрослыми лицами, состоящими в кровном родстве, а сексуальные посягательства в отношении детей, находящихся в родстве, образуют самостоятельный состав преступления со специальным субъектом. Другим обстоятельством, ограничивающим возможность применения термина «инцест» относительно внутрисемейного сексуального посягательства на детей, является тот факт, что большинство подобных преступлений совершается лицами, проживающими вместе с детьми, но не состоящими с ними в кровном родстве (отчим, сожитель матери и т.д.), и для подобного рода сексуальных связей иногда используется понятие «параинцест» (греч. «para» – около). Однако, несмотря на указанные трудности, термин «инцест» довольно широко применяется в литературе и является оправданным с позиции криминологических, клинических и сексологических исследований⁴.

Внесемейные сексуальные взаимоотношения взрослого и ребенка определяются термином «педофилия», который также является семантически неоднозначным. В отечественном законодательстве к правовым терминам он не относится, но часто используется в криминологии.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под. ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 380.

² См.: Wyatt G.E. & Peters S.D. Issues in the definition of child sexual abuse in prevalence research. Child Abuse and Neglect. 1986. Vol. 10. P. 231-240.

³ См.: Lang R.A. & Frenzel R.R. How sex offenders lure children. Annals of Research. 1988. № 1. P. 303-307.

⁴ См.: Reber A. Dictionary of Psychology. L. Penguin books, 1995. P. 44, 265, 267, 408.

⁵ См.: Шостакович Б.В., Ушакова И.М., Потапов С. А. Половые преступления против детей и подростков. Ростов н/Д., 1994. С. 17-23.

¹ См.: Уголовный кодекс Швеции. М., 2000. С. 25.

² См.: Уголовный кодекс Австрии. М., 2001. С. 94.

³ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2001. С. 75.

⁴ См.: Шостакович Б.В., Ушакова И.М., Потапов С.А. Указ. раб. 1994. С. 17.

В клиническом плане в соответствии с МКБ-10¹ педофилия относится к парафилиям, или нарушениям сексуального влечения, объектом которого являются дети.

D. Finkelhor условно выделяет три категории действий, составляющих понятие «child sexual abuse»:

1) сексуальную эксплуатацию детей, злоупотребление их беспомощностью для непосредственного удовлетворения собственных сексуальных потребностей взрослого или в коммерческих целях;

2) подавление детской сексуальности, будь то физическое изменение половых органов ребенка или подавление его нормальных сексуальных интересов;

3) эротизацию детей, т.е. создание среды, которая может искусственно стимулировать детскую сексуальность в ущерб другим задачам развития.

Следовательно, сравнение и сопоставление данных о распространенности и латентности сексуальных преступлений в отношении детей невозможно проводить без предварительно четко оговоренных условий или нахождения «общего знаменателя» в отношении используемой тем или иным автором терминологии.

Отечественные криминологи и психиатры начала XX в. подразделяли сексуальных преступников в отношении детей и их деяния на три группы: растлителей, вступающих в сношения с малолетними без дефлорации и извращений (ч. 2 ст. 151); развратителей и гомосексуальных развратителей².

Разделение криминального сексуального поведения в отношении детей по объективной стороне преступления на насильственные и ненасильственные, как уже было отмечено, носит сложный и противоречивый характер. Несмотря на это, ст. 134 и 135 УК предполагают именно ненасильственные действия, в то время как насильственные действия (изнасилование) в отношении несовершеннолетних квалифицируются по п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ; малолетних (не достигших четырнадцатилетнего возраста) – в соответствии с п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Насильственные действия сексуального характера (лесбиянство, мужеложство и иные действия сексуального характера) в отношении несовершеннолетнего составляют квалифицированный состав по п. «д» ч. 2 ст. 132 УК, а в отношении малолетнего при-

меняется особо квалифицированный состав – п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ.

Другим способом разделения криминально-сексуального поведения является дифференцирование по видовому объекту: преступления, направленные на половую свободу, – в отношении взрослых лиц и на половую неприкосновенность – в отношении детей, однако в последнюю категорию попадают также взрослые лица, находящиеся в беспомощном состоянии. Непосредственный объект при сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних определялся А.Н. Игнатовым как «нормальное физическое и духовное развитие и формирование несовершеннолетних»¹, с чем мы полностью согласны. Конкретизируя непосредственный объект, его можно определить как половую неприкосновенность несовершеннолетнего лица, обеспечивающую нормальное физическое (включая половое, или соматосексуальное), психическое (в том числе психосексуальное) и нравственное развитие несовершеннолетнего. В то же время объект преступного посягательства при нахождении взрослого лица в беспомощном состоянии может быть определен как половая неприкосновенность, обеспечивающая защиту жизни и здоровья, нравственности, чести и достоинства человека, но не физическое или психическое развитие.

Рассматривая в качестве объекта половых преступлений (гл. 18 УК) в отношении несовершеннолетних и малолетних половую неприкосновенность, необходимо остановиться на возможных определениях ее критериев в сравнительно-правовом и междисциплинарном аспектах. Можно выделить четыре различных критерия половой неприкосновенности, хотя ныне действующий УК РФ включает только два – возраст и беспомощное состояние.

1. ВОЗРАСТ. С момента вступления УК в действие и до 1998 г. возраст потерпевшего составлял 16 лет, с 1998 г. (ФЗ от 25 июня 1998 г. № 92) до 2003 г. (ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162) он составлял 14 лет, а в настоящее время он снова вернулся к отметке 16 лет. Эти законодательные изменения не могли не отразиться на динамике преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, что отражено на схеме. По статистике около 77% потерпевших по ст. 134 и 135 УК РФ находились в возрасте от 14 до 16 лет.

2. БЕСПОМОЩНОЕ СОСТОЯНИЕ – состояние потерпевшего, при котором он в силу возраста, болезни или иных причин не осознавал фактического характера и социального значения соверша-

¹ Международная классификация болезней. 10-й пересмотр. ВОЗ. Женева, 1995.

² Краснушкин Е.К. Правонарушения в области сексуальных отношений. М., 1927. С. 26-29.

¹ Игнатов А.Н. Ответственность за преступления противоправности (половые преступления). М., 1966. С. 10.

Схема. Показатели преступлений (в абс. числах) по ст. 134 и 135 УК РФ

емых в отношении него действий либо не мог оказывать им сопротивление. При применении данного критерия также могут возникать трудности в определении субъективной стороны состава преступления, заключающиеся в том, что виновный должен знать, что потерпевший(-ая) находится в беспомощном состоянии.

3. ПОЛОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ. Данный критерий действовал в УК РСФСР 1960 г.; в настоящее время активно ведутся дискуссии о целесообразности его введения в действующий УК.

4. ВОЗРАСТНОЕ РАЗЛИЧИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ. Данный критерий используется в некоторых зарубежных законодательствах, когда один из сексуальных партнеров является несовершеннолетним, в отношении другого устанавливается предельно допустимая разница в возрасте, декриминализирующая гетеросексуальное половое сношение. Следует отметить, что критерий возрастного различия используется только для нормативных гетеросексуальных отношений. Так, например ч. 2 ст. 187 УК Швейцарии (действия, представляющие угрозу развитию несовершеннолетних) определяет, что сексуальные действия в отношении лиц моложе 16 лет не являются наказуемыми, если разница в возрасте между участвующими лицами составляет не более трех лет¹.

Вопросы использования *возрастного критерия* половой неприкосновенности и введения его в уголовное законодательство на практике сталкиваются как минимум с тремя проблемами.

Во-первых, это трудности и противоречия в определении субъективной стороны преступления, квалифицированного по ст. 134 и 135 УК РФ. Главный недостаток возрастного критерия в субъективной стороне данного состава – винов-

ный должен знать, что лицо, с которым он совершает сексуальные действия, не достигло определенного законом возраста (16 лет), при этом возрастной ценз в 14 лет субъективно определяется даже несколько проще. Основные трудности связаны с ускоренным физическим и сексуальным развитием подростков, которое проявляется в том, что подростки активно заводят знакомства, ведут разговоры на сексуальные темы, используют вызывающий стиль одежды, косметику, стремятся к пребыванию в компании взрослых, часто лгут относительно возраста, стараются выглядеть старше, употребляют спиртное, курят. К тому же процессу акселерации несовершеннолетних противостоит инфантилизация взрослых, которые, наоборот, стремятся выглядеть моложе, и, таким образом, границы «мира детства»¹ оказываются диффузными, размытыми.

Во-вторых, существуют противоречия в правовых актах субъектов РФ относительно брачного возраста. В соответствии ч. 1 ст. 13 Семейного кодекса РФ установленный законом брачный возраст – 18 лет, ч. 2 этой статьи предусматривает снижение его до 16 лет, ч. 3 – позволяет субъектам РФ при определенных обстоятельствах устанавливать возраст вступающих в брак ниже 16 лет. В такой ситуации явно просматривается противоречие ст. 134 УК РФ в редакции ФЗ № 162 от 8 декабря 2003 г. и практики ее применения в некоторых субъектах РФ². При этом вполне обоснованны доводы, приводимые в пользу ранних браков: это и повышение рождаемости, и вред, наносимый абортами, так как причиной снижения брачного возраста наиболее часто является беременность; и ускоренное развитие личности подростков (процессы акселерации), и слишком раннее вступление в самостоятельную жизнь, и т.д. Естественно, уголовно-правовая политика является частью социальной политики государства и не должна вступать с ней в противоречия, но диспозиция ст. 134 УК, кроме гетеросексуального, нормативного полового сношения, включает «иные действия сексуального характера», к которым относятся мужеложство и лесбиянство, что никоим образом не сказывается на рождаемости, а ведет к нравственной деградации формирующейся личности. Соответственно выходом из сложившейся ситуации может быть внесение изменений в действующий УК РФ, выделение мужеложства и лесбиянства в отдельный состав и заодно поднятие возрастной планки

¹ См.: Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. С. 45-48.

² См.: Уткин Ю. Незаконное супружество // Законность. 2004. № 9. С. 49.

¹ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2001. С. 71.

в отношении потерпевших как минимум до 18 лет; а также рассмотрение отдельным составом полового сношения с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста. Если исходить из возрастного критерия половой неприкосновенности, то ниже опускать этот возраст уже нецелесообразно.

Еще одним из возможных вариантов решения дилеммы возможности ранних браков и декриминализации сексуальных отношений подростков является заключение брака между потерпевшим и виновным. Например, УК Швейцарии предусматривает такую возможность, однако при условии, что виновный не достиг двадцатилетнего возраста. В этом случае в соответствии с ч. 3 ст. 187 УК Швейцарии возможен отказ от уголовного преследования, передачи дела в суд или наказания. Представляется, что такой подход не применим в условиях российской действительности, так как процедуры развода непоставимы в законодательствах этих стран.

В-третьих, есть немалые трудности в оценке вреда потерпевшему и общественной опасности преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних. При этом вред причиняется несовершеннолетнему, не достигшему половой зрелости, т.е. находящемуся в процессе развития; и, как справедливо отмечает Ю.Е. Пудовочкин, преждевременное вступление несовершеннолетнего в половую жизнь влечет социальное оскудение его личности и наносит вред обществу в целом. Естественно, вред, причиняемый развитию личности несовершеннолетнего в результате преступлений по рассматриваемым статьям, будет отличаться от вреда, квалифицируемого по ст. 131 и 132 УК, в силу влияния специфики насилия и зависимости от степени сформированности личности в целом, особенностей психического, физического, морального и сексуального развития. Поэтому, как отмечал А.Н. Игнатов, например, вред от раннего начала половой жизни для девушки 13-ти лет, достигшей половой зрелости, может быть меньше, чем для 15-16-летней, таковой не достигшей¹. Конечно, для решения подобных вопросов необходимы комплексный подход, использование знаний других научных дисциплин, в частности судебной медицины, сексологии, психологии, патопсихологии и т.д.

Исходя из поставленных проблем следует более подробно остановиться на некоторых мо-

ментах причинения вреда и общественной опасности при преступлениях против половой неприкосновенности в отношении детей. Так, понятие «легкий и средний вред здоровью» по ст. 131 и 132 УК РФ входит в основной состав преступления и дополнительной квалификации не требует. Причем это относится, как ни парадоксально, к пострадавшим вне зависимости от возраста, потому что возраст имплицитно заложен в квалифицированный и особо квалифицированный составы преступления. Для определения тяжести вреда здоровью проводится либо судебно-медицинская экспертиза, либо, если этот вред связан с психическими расстройствами, комплексная судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертиза. У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни приводят общую схему развития психических расстройств у жертв сексуального насилия:

1. Острый период (от нескольких дней до нескольких недель) – выражается в шоковых реакциях, страхе, переживаниях, чувстве вины, стыда, гнева и возмущении.

2. Фаза посттравматического «отката» (от нескольких недель до нескольких месяцев) – выражается в попытках справиться с переживаниями, возврате к прежнему образу жизни, когда страх и неверие в собственные силы оттесняются на периферию сознания.

3. Заключительная фаза – значительно варьируется по длительности в зависимости от возраста, индивидуальности, степени поддержки окружающих и проявляется наплывами сцен насилия в памяти, ночными кошмарами, фобическими и депрессивными расстройствами¹.

Указанные психические нарушения характерны для острой психической травмы, связанной с насилием, и укладываются в диагностическую категорию – посттравматическое стрессовое расстройство: F43.1 по МКБ-10². Однако причинение вреда здоровью при преступлениях ненасильственного характера имеет принципиально иные механизмы, при этом нельзя утверждать, что вред причиняется только половому (соматосексуальному и психосексуальному) развитию несовершеннолетнего. Понятия полового развития и половой зрелости широко использовались в отечественной судебной медицине во время действия УК РСФСР 1960 г., когда половая зрелость выступала критерием криминальности сексуального поведения. Так, М.И. Авдеев определял половую зрелость лиц женского пола как

¹ См.: Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. М., 1998. С. 444.

² Психические расстройства и расстройства поведения // Международная классификация болезней. 10-й пересмотр. ВОЗ. Женева, 1995. Т. 1. Раздел F. С. 347.

¹ См.: Игнатов А.Н. О критериях половой неприкосновенности // Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии. М., 2003. С. 89-90.

такое физическое развитие и физиологическое состояние организма, при котором вынашивание плода и родоразрешение происходят без вреда для здоровья и являются физиологическими актами¹. При таком чисто судебно-медицинском подходе к определению половой зрелости полностью отсутствует учет психологических факторов и психосексуального развития. Далее М.И. Авдеев отмечает: «Состояние умственного развития не имеет отношения к половой зрелости. Психически дефективные женщины (имбецилы, идиотки и др.) и психически больные с деградацией личности могут выносить и родить без вреда для своего здоровья здорового ребенка, если они достигли соответствующего физического развития»². Однако половое сношение с указанными лицами никак не может быть квалифицировано по ст. 134 УК РФ, так они в силу имеющихся психических недостатков не могут осознавать фактического характера и социального значения совершаемых с ними действий и, значит, находятся в беспомощном состоянии, а деяние подлежит квалификации по ст. 131 УК РФ.

А.П. Загрядская под состоянием половой зрелости лиц женского пола понимает окончательное сформирование женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальными функциями и свидетельствуемая способна к выполнению материнских обязанностей. При экспертизе половой зрелости Загрядская предлагает учитывать следующую совокупность признаков развития организма:

- а) общее развитие организма;
- б) развитие половых органов и способность к совокуплению;
- в) способность к зачатию;
- г) способность к вынашиванию плода;
- д) способность к родоразрешению;
- е) способность к вскармливанию.

Каждый из указанных признаков, взятый в отдельности, не является определяющим, и лишь их совокупность дает возможность судить о половой зрелости³.

Половую зрелость лиц мужского пола Л.Я. - Мильман определяет как период жизни, в течение которого организм, достигнув морфологического и функционального развития, способен к воспроизведению потомства. Б.М. Семенов понимает половую зрелость как достижение такого периода жизни, когда общее физическое разви-

тие и функциональное состояние половых желез допускают половую деятельность (совокупление и оплодотворение), без ущерба для дальнейшего развития организма. А.П. Загрядская отмечает: «Половая зрелость у лиц мужского пола характеризуется таким состоянием общего физического развития и формирования половых желез, при котором половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма»¹. Следовательно, по ее мнению вред здоровью может пониматься не только как непосредственные последствия, но и как отдаленные последствия, связанные с развитием. Однако, чтобы определить тяжесть таких последствий и возможные отклонения в развитии, в первую очередь необходимо соотнести их с существующими представлениями о нормальном половом развитии. Для этого обратимся к специальной литературе. Так, Г.С. Васильченко в процессе индивидуального развития человека условно выделяет следующие возрастные периоды становления и динамики сексуальности:

1. Парапубертатный период (1-7 лет), в течение которого формируется половое самосознание (1-й этап психосексуального развития).

2. Препубертатный период (7-13 лет) характеризуется выбором и формированием стереотипа полоролевого поведения (2-й этап психосексуального развития).

3. Пубертатный период (12-18 лет) – самый бурный в сексуальном развитии организма, во время которого происходит половое созревание и формирование платонического, эротического и начальной фазы сексуального либидо (первые две стадии 3-го этапа психосексуального развития).

4. Переходный период становления сексуальности (16-26 лет), характеризуется началом половой жизни, мастурбационной практикой, сочетанием сексуальных эксцессов с периодами абстиненции (3-й этап психосексуального развития и завершения формирования сексуального либидо).

5. Период зрелой сексуальности (26-55 лет) отличается регулярной половой жизнью с постоянным партнером, вхождением в полосу условного физиологического ритма половой активности.

6. Инволюционный период (51-70 лет) – снижение половой активности и ослабление интереса к сексуальной сфере, сочетающиеся с регрессом либидо (до уровня эротической, а затем и платонической стадии)².

¹ См.: Авдеев М.И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. М., 1968. С. 223.

² Там же.

³ См.: Загрядская А.П. Экспертиза половой зрелости. Горький, 1985. С. 26-27.

¹ Загрядская А.П. Указ. раб. С. 55.

² См.: Васильченко Г.С. Сексология: Справочник. М., 1990. С. 388.

В соответствии с приведенной периодизацией сексуального развития возраст половой зрелости наступает в 26 лет (?), в правовом аспекте этот возраст не закреплен ни в одном зарубежном законодательстве.

Попытаемся разработать свою периодизацию, которая, как отмечает сам автор, отражает не только соматосексуальное, но и психосексуальное развитие, охватывает первые четыре возрастных периода становления и динамики сексуальности, а его окончание знаменует вступление в период зрелой сексуальности. При этом формируются половое самосознание, полоролевое поведение и психосексуальные ориентации, в соответствии со становлением которых можно выделить три этапа психосексуального развития.

Первый этап: формирование полового самосознания, осознание принадлежности к полу (1-5 лет) под влиянием микросоциальной среды, но в значительной степени оно детерминировано половой дифференциацией мозга в пренатальном периоде. Формируется сознание половой принадлежности собственной личности и окружающих, уверенность в ее необратимости, после чего попытки изменить половое самосознание ребенка оказываются малоуспешными. Детское любопытство направлено на выявление причин появления на свет детей и изучение половых признаков (строение тела, половых органов и т.д.). В норме в завершающей фазе этого этапа при определении ребенком пола окружающих его лиц равнозначную роль играют все признаки половой принадлежности (внешний вид, одежда, строение тела и половых органов).

Второй этап: формирование стереотипа полоролевого поведения. На этом этапе (5-12 лет) происходит выбор половой роли, наиболее соответствующей психофизиологическим особенностям ребенка и идеалам маскулинности (или фемининности) микросоциальной среды. Он характеризуется интенсивной социализацией ребенка, формированием у него коллективного сознания и характера. Этому возрасту свойственны недостаточное развитие воли и импульсивность поведения, любознательность, доверчивость, подражательность. Развиваются элементы абстрактно-логического мышления.

Третий этап: формирование психосексуальных ориентаций. На этом этапе (12-26 лет) начинается и достигает максимума функционирование эндокринной системы, в частности половых желез. На основе индивидуальных особенностей темперамента и характера формируется личность. Происходит пересмотр привитых догм и своего положения в семье и обществе, эмансипация (от семьи), вырабатывается собственное мировоззрение, развиваются высшие эмоции. Специфика этапа – формирование психосексу-

альных ориентаций, которые обуславливают в последующем выбор объекта влечения (человека, животное, фетиш) с его индивидуальными особенностями (половая принадлежность, внешний вид, телосложение, поведение и т.д.), необходимость для реализации влечения определенной ситуации и ряда последовательных действий, подчас составляющих настоящий ритуал¹.

При этом в юридическом аспекте наиболее важным представляется именно психосексуальное развитие, уровень и характер которого, собственно, и имеет значение при ненасильственных сексуальных действиях в форме полового сношения, мужеложства и лесбиянства (ст. 134 УК) и развратных действиях (ст. 135 УК РФ). В специализированном издании «Судебная сексология», кстати, единственном у нас в стране², подготовленном коллективом авторов лаборатории судебной сексологии ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, специальные главы посвящены экспертизе сексуальной зрелости и сексологической экспертизе потерпевших³. Однако экспертиза сексуальной зрелости рассматривается не в плане ее оценки у пострадавшего(-ей) на момент совершения деяния, а преимущественно в отношении возможности применения ч. 3 ст. 20 УК РФ, когда вследствие отставания в психическом (психосексуальном – применительно к рассматриваемой проблеме) развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния субъект преступления не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими и, значит, не подлежит уголовной ответственности. Дальнейшая логика, предлагаемая авторами, такова: в «экспертное исследование включать анализ действий несовершеннолетнего в криминальной ситуации в сопоставлении с уровнем его психосексуального развития и ответ на вопрос: «Были ли субъективно представлены альтернативы реализованному варианту поведения?»⁴. На момент написания руководства, т.е. 2001 г., возраст субъекта определялся по ст. 135 УК РФ – как 16 лет, по ст. 134 УК РФ – как 18 лет.

Получается, что когда мы на основе психосексуальной незрелости лица в возрасте 18 лет декриминализируем ситуацию, то не принимаем

¹ См.: Васильченко Г.С. Указ. раб. С. 389-391.

² См.: Старович З. Судебная сексология: Монография. М.: Юридическая литература, 1991. Книга является переводом с польского и не соответствует российскому законодательству.

³ См.: Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология (Гл. 11: Экспертиза сексуальной зрелости; Гл. 12: Сексологическая экспертиза потерпевших). М., 2001. С. 389-408; 409-442.

⁴ Там же. М., 2001. С. 394.

Таблица

ЭТАПНОСТЬ ПСИХОСЕКСУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

фазы	Этапы		
	полового самосознания (0-6)	полоролового поведения (7-12)	сексуальных ориентаций (12-21)
1	2	3	4
Установки (когнитивный)	Понимание необратимости принадлежности к определенному полу	Выработка представлений о паттернах полоролового поведения (как себя обычно ведут мужчины и женщины)	Выработка представлений о сексуальной привлекательности, формирование представлений об определенном сексуальном объекте и способах взаимодействия с ним (соотнесение их с культурально обусловленными эталонами, сексуальное партнерство)
Установки (эмоциональный)	Выработка эмоционального отношения (не обязательно положительного) к образу своего пола	Выработка эмоционального (личностного) отношения к этим паттернам	Выработка эмоционального (личностного) отношения к этим объектам, способность к сопереживанию
Реализации (поведенческий)	Игровое поведение, селективное восприятие информации, связанной с полом	Выбор референции, групп предпочтительные определенных форм поведения	Отработка задач, связанных с привлечением внимания, процедурой ухаживания и т.д., взаимопониманием
Предмет исследования	Идентификация с той или иной половой ролью, влияние собственной половой принадлежности на восприятие информации, участие полороловой идентичности в регуляции поведения	Знание о мужской половой роли (когнитивная дифференцированность), эмоциональное к ней отношение, включенность ее в сферу личностных смыслов	Представления об объекте сексуального предпочтения (когнитивный, эмоциональный аспекты)

в расчет и вред потерпевшему, причиненный на основе его психосексуальной незрелости. Кроме того, предполагаем, что все потерпевшие в 16 лет достигают такой же психосексуальной зрелости и соответственно потерпевшими уже не являются. Субъектом преступления по ст. 134 и 135 УК РФ в настоящее время по действующему уголовному законодательству выступает лицо, возраст которого определен в 18 лет, т.е. как специальный субъект (за счет повышенного возраста уголовной ответственности), что также вызывает недоумение. По официальной статистике, количество лиц в возрасте от 14 до 17 лет, осужденных за изнасилование, составляет в среднем 18% от общего числа осужденных, за насильственные действия сексуального характера – более 25%, а вот за «добровольные» сексуальные действия по отношению к детям ответственность наступает с 18 лет, что, естественно, является серьезным пробелом в законодательстве. Исходя из возможной оценки вреда и общественной опасности по ст. 134, 135 УК РФ целесообразно установить общий возраст наступления уголовной ответственности (16 лет), а учет «субъективных альтернатив реализованному криминальному варианту поведения» и «аномалий психики» проводить, принимая во внимание специфику общественной опасности и вреда последствий, а при назначении наказания либо комбинировать его с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) при небольшом отставании в развитии, либо использовать возможности принудительных мер медицинского характера при болезненном характере имеющихся нарушений психической деятельности. Последний момент представляется крайне важным, так как основным нарушением психической деятельности «аномального субъекта» преступления в отношении детей выступает нарушение влечений по объекту его реализации, т.е. педофилия¹.

Возвращаясь к вопросу половой зрелости, необходимо отметить, что авторы «Судебной сексологии» (М., 2001 г.)² предлагают иную возрастную грань – 21 год и дифференцированно рассматривают этапы психосексуального развития как фазные процессы, складывающиеся на каждом этапе из когнитивной, эмоциональной и

поведенческой составляющих, что наглядно отражено в таблице.

Онтогенетические закономерности психосексуального развития на каждом из выделенных этапов проявляют себя определенными поведенческими стереотипами, в начале каждого этапа идет фаза формирования установки (научения), а затем соответствующей реализации полученной установки в поведении. Тогда вне зависимости от паспортного возраста потерпевшей(-его) на основании выявленных особенностей поведения можно установить этап и фазу психосексуального развития, и соответственно степень тяжести вреда будет определяться таким образом: чем на более раннем этапе отмечается воздействие (развратные действия, мужеложство, лесбиянство или половое сношение), тем больший вред будет причинен последующему психосексуальному развитию. Нарушение когнитивных и(или) эмоциональных установок того или иного этапа будет проявляться соответствующими нарушениями реализации, т.е. объективно в поведении потерпевшего. Интересна еще одна особенность психосексуального развития: третий этап, этап сексуальных ориентаций (от 12 до 21 года, т.е. в среднем статистическом 16,5 лет), соответствует в когнитивном плане установкам по выбору

¹ См.: Ушакова И.М. Клиника и судебно-психиатрическое значение педофилии: Автореф. дис... канд. мед. наук. М., 1992. С. 6-11; Радченко Н.А. Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних: Автореф. дис... канд. мед. наук. М., 2002. С. 10-14.

² Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Указ. раб. С. 399.

сексуального объекта (нормативный, ненормативный, гетеросексуальный, гомосексуальный и т.д.), выбору способа взаимодействия с ним, способа реализации сексуального влечения (насильственный, ненасильственный); в эмоциональном – установке по выработке эмоционального отношения с выбранным объектом, определению ситуаций (облегчающих или тормозящих), связанных с реализацией влечения, и т.д.

Указанные особенности психосексуального развития необходимо использовать в уголовно-правовой охране половой неприкосновенности формирующейся личности несовершеннолетнего, т.е. нормативные гетеросексуальные отношения, возникающие в так называемом возрасте согласия, оставить в законодательстве с 16 лет, а мужеложство, лесбиянство, иные действия сексуального характера декриминализировать только с момента психосексуальной зрелости, т.е. с 21 года, что с позиции сексологии является вполне логичным. Такое уголовно-правовое решение проблемы будет благоприятно сказываться или, по крайней мере, не мешать демографической социальной политике.

Исходя из рассмотренных особенностей психосексуального развития личности можно определить следующие критерии половой неприкосновенности:

1. В отношении нормативного гетеросексуально полового акта:

а) возрастной аспект – 16 лет;

б) половое развитие – сформированность навыков сексуального поведения, связанных с сексуальной ориентацией, т.е. фаза научения этапа сексуальной ориентации; нахождение в фазе реализации сексуального поведения, но последняя, возможно, не до конца сформирована.

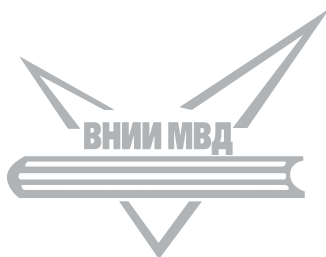
2. В отношении иных действий сексуального характера, в том числе мужеложства и лесбиянства:

а) возрастной аспект – 21 год;

б) половое развитие – полная сформированность этапа сексуальных ориентаций (как фазы формирования навыков сексуального поведения, связанного с сексуальной ориентацией, так и фазы реализации приобретенных навыков в поведении).

Половую неприкосновенность как объект преступлений предусмотренных гл. 18 УК РФ, и различные возможные подходы к выработке критериев, ее определяющих, в том числе на междисциплинарной основе, необходимо рассматривать в логической последовательности и с учетом современных знаний в смежных областях. В уголовно-правовой политике требуется уделять пристальное внимание охране этих критериев, так как они являются гарантом достижения половой свободы личности, т.е. возможности осознанного и основанного на воле человека свободного выбора в реализации своего сексуального поведения. Не уделив достаточного внимания охране половой неприкосновенности, мы получим свободу от морально-нравственных норм, которую еще Э. Дюркгейм определил как аномию и социальный хаос; мы получим свободное общество сексуальных извращенцев и маньяков, свободу, которую Э. Фромм удачно охарактеризовал как «бегство от свободы»¹. Свобода выбора поведения, в том числе сексуального, в первую очередь должна основываться на нравственных началах, а не на западных идеологических моделях, которые сегодня активно пытаются внедрить СМИ. Призывы к соблюдению нравственности нынче не в моде, а запреты на развращение детей больше используются как средство политической игры.

Уголовно-правовая политика по охране половой неприкосновенности должна осуществляться в рамках системно-правового подхода, т.е. с учетом всего законодательства – Семейного кодекса РФ (ст. 13), Гражданского кодекса РФ и тем более УК РФ, в частности главы «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», где ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией», ст. 241 «Организация занятия проституцией», ст. 242 «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» и ст. 242 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» также предусматривают наряду с охраной нравственности и охрану половой неприкосновенности детей и подростков.

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2004.

О.В. ЗИМИН,
кандидат юридических наук
(ВНИИ МВД России);
В.А. Бодров
(ФЭД МВД России)

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОТМЫВАНИЕМ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Субъективная сторона преступления – это психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления¹.

Как справедливо отмечают В.Д. Ларичев и Н.С. Гильмутдинова, «с субъективной стороны все преступления в сфере экономической деятельности характеризуются умышленной формой вины»².

Поскольку по конструкции составы преступлений, предусмотренные ст. 174 и 174.1 УК РФ, являются формальными³, справедливо мнение, высказанное Э.С. Мурадовым, о том, что преступления с формальным составом совершаются с прямым умыслом⁴. Сразу следует сделать некоторую оговорку: не во всех случаях преступления с формальным составом совершаются с прямым умыслом. Но такие случаи относительно редки, и в их число отмывание преступных доходов не входит.

О.А. Рыхлов отмечает: «Здесь наблюдается единство подавляющего большинства авторов во мнении, что состав преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК, является формальным, а значит, эти преступления могут быть совершены только с прямым умыслом»⁵.

Между тем в период действия ст. 174 УК РФ в первой редакции (в ней отсутствовало указание на наличие цели отмывания как обязательного элемента преступного деяния) П.С. Яни сделал вывод о том, что «...данное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, невзирая на то, что комментируемый состав относится к так называемым формальным»¹. После принятия Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем"» «...в ст. 174 УК РФ появилось указание на цель действий виновного, и квалификация по ней стала возможна только в том случае, если виновный действовал с прямым умыслом»².

Таким образом, отмывание преступных доходов, относясь к категории преступлений в сфере экономической деятельности, имея формальный состав, характеризуется умышленной формой вины, при этом ее вид – прямой умысел.

Для признания лица виновным необходимо осознание им того обстоятельства, что его действия направлены на отмывание имущества, приобретенного преступным путем, и желание совершить такие действия³. «Вкладывая "грязные" деньги, например, в недвижимость или покупая

¹ См.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. М.: Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1998. С. 99.

² Ларичев В.Д., Гильмутдинова Н.С. Таможенные преступления. М.: Экзамен, 2001. С. 150.

³ См., напр.: Бахарев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты совершенствования механизма противодействия легализации доходов от организованной преступной деятельности: Дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 67; Житкова Е.Л. Способы легализации имущества, добытого заведомо незаконным путем // Гражданин и право. 2006. № 3.

⁴ См.: Мурадов Э.С. Вопросы субъективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности // Законодательство и экономика. 2004. № 5.

⁵ Рыхлов О.А. Субъективные признаки легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и отграничение его от других преступлений // Российский следователь. 2006. № 11.

¹ Яни П.С. Уголовная ответственность за легализацию имущества, приобретенного незаконным путем // Право и экономика. 1998. № 1.

² Букарев В.Б., Трунцевский Ю.В., Шулепов Н.А. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем. М.: Юрист, 2007.

³ См.: Зимин О.В., Гребнев Д.Ю. Проблемные вопросы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Российская юстиция. 2007. № 3.

на них иностранную валюту, виновный обязательно должен преследовать цель придания таким деньгам правомерного вида. Если же он желает защитить их, например, от инфляции или же просто считает подобный способ вложения капитала наиболее выгодным, то в действиях его признаков легализации не будет»¹.

В диспозиции ст. 174 УК РФ отмечается одна очень важная особенность интеллектуального элемента прямого умысла данного преступления – это так называемая заведомость. Слово «заведомый» означает «хорошо известный, несомненный (обычно о чем-нибудь отрицательном)»². В.А. Никулина говорит: заведомость означает, что лицо не могло не знать о незаконном источнике происхождения имущества³. Н.Г. Кадников данное понятие обозначает как знание заранее⁴. А.А. Шебунов – как предварительную осведомленность, знание⁵. В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» данный термин раскрыт в соответствии со своим значением: достоверно известно.

Таким образом, ее сущность заключается в следующем: лицу должно быть достоверно известно (оно должно знать, а не предполагать), что имущество приобретено другими лицами преступным путем, т.е. в результате совершения уголовно наказуемых действий, предусмотренных УК РФ⁶, и, следовательно, это лицо действовало с учетом данной осведомленности⁷. Если доказательств такой осведомленности нет, то уголовная ответственность исключается⁸.

При этом «...не является обязательным знание виновным того, в результате какого именно

преступления добыто имущество, кто и при каких обстоятельствах совершил это преступление»¹, не имеет значения источник осведомленности².

Как отмечалось выше, также в ст. 174 УК РФ указывается особая цель «придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению» преступным имуществом.

Из содержания п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 следует, что в случае отсутствия при совершении заранее не обещанных финансовых операций и других сделок с имуществом, заведомо приобретенным другими лицами преступным путем, цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению этим имуществом такие действия могут быть квалифицированы по ст. 175 УК РФ.

Тем не менее, возникает закономерный вопрос о целесообразности обозначения в ст. 174 УК РФ цели, поскольку само название³ данной статьи предопределяет ее. Тем более что в ст. 174.1 УК РФ такого указания на определенную цель нет. Но, как отмечают ряд авторов, поскольку необходимость наличия цели вытекает из юридической природы состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, она является обязательным признаком его субъективной стороны⁴.

А.Н. Караханов по этому поводу пишет: «...конструкция диспозиции ст. 174.1 УК РФ не соответствует правильному пониманию сущности данного преступления, а также не в полной мере согласуется с ее названием и понятием «легализация», предусмотренным в ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ»⁵.

Как полагает Н.Г. Кадников, «легализация сама по себе в данном случае (ст. 174.1 УК РФ) означает, что виновный действует с желанием придать денежным средствам и иному имуществу правомерный вид»⁶. В.Д. Букарев также счи-

¹ Букарев В.Б. и др. Указ. раб.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. С. 171.

³ См.: Никулина В.А. Отмывание «грязных» денег. Уголовно-правовая характеристика и проблемы соучастия. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 85.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для высших учебных заведений / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Книжный мир, 2007. С. 476.

⁵ См.: Шебунов А.А. Легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных незаконным путем: Дис... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 122.

⁶ См.: Завидов Б.Д., Попов И.А., Сергеев В.И. Уголовно-правовой анализ преступлений в сфере экономической деятельности (комментарий уголовного законодательства России) (постатейный) // КонсультантПлюс. 2004.

⁷ См.: Смагина А.В. Легализация преступных доходов: сравнительный анализ уголовного законодательства России и зарубежных стран: Дис... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 102.

⁸ См.: Власть и бизнес: взаимная ответственность. Комментарий к законодательству (постатейный) / Под ред. В.М. Жуйкова, Э.Н. Ренова. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2004.

¹ Уголовное право России... / Под ред. Н.Г. Кадникова. С. 476.

² См.: Смагина А.В. Указ. раб. С. 102.

³ Об этом говорится при характеристике ст. 174 УК РФ в первоначальной редакции в ряде публикаций: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М.: НОРМА-ИНФРА. М., 1998. С. 395; Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. С. 111. А.В. Смагина отмечает, что о цели сказано в названии ст. 174.1 УК РФ (см.: Смагина А.В. Там же. С. 93).

⁴ См., напр.: Рыхлов О.А. Указ. раб.; Домовец Г.А. Легализация денежных средств, полученных преступным путем, как основание уголовной ответственности // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 4. С. 132.

⁵ Караханов А.Н. Некоторые спорные вопросы применения статей 171, 174, 174.1 УК РФ: позиция Пленума Верховного Суда РФ // Российский следователь. 2005. № 2.

⁶ Уголовное право России... / Под ред. Н.Г. Кадникова. С. 479.

тает, что без наличия указанной цели состав преступления, предусмотренный ст. 174.1 УК РФ, будет отсутствовать¹. М.Е. Белай замечает: «Цель предусмотрена законодателем как критерий для отграничения легализации преступных доходов от распоряжения ими»².

Тем не менее, буквальное толкование уголовного закона позволяет привлекать к ответственности по ст. 174.1 УК РФ лицо, совершившее любую финансовую операцию с денежными средствами, приобретенными им преступным путем (например, лицо, похитившее денежные средства, покупает на них в магазине продукты)³.

Поскольку в ст. 174.1 УК РФ не указана цель данного общественно опасного деяния, на практике так и происходит, что зачастую почти любое распоряжение преступным имуществом квалифицируется как отмыwanie доходов, приобретенных лицом в результате совершения им преступления⁴.

В ходе проведенного автором исследования установлено, что большое количество уголовных дел возбуждается по ст. 174.1 УК РФ исходя из ее буквального толкования и лица привлекаются к уголовной ответственности за отмыwanie, хотя такой цели не преследовали.

Так, например, в 2006 г. Замоскворецким районным судом г. Москвы был осужден гражданин Н. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 и ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Обстоятельства дела следующие. Н. состоял на учете в центре занятости населения, и поскольку муниципалитет не мог его трудоустроить, Н. пришлось выполнять работы в качестве разнорабочего на основании договора подряда. Одновременно с этим он получал пособие по безработице (ч. 1 ст. 159 УК РФ), снимая его с расчетного счета в банке, что и было признано судом как отмыwanie доходов.

Как правило, подобные приговоры выносятся судами при заявлении обвиняемых о согласии с предъявленным им обвинением и ходатайстве о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. О чем, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что при изучении судебной практики фактически не встретилось случаев, когда итогом рассмотрения дела об от-

мывании в особом порядке стало принятие иного судебного решения, нежели обвинительный приговор. При этом, как показали результаты проведенного автором исследования, в особом порядке разрешается 57,7% уголовных дел.

Важно отметить, что даже в тех случаях, когда следственные органы и суды указывают на наличие в действиях лица цели отмывания имущества, приобретенного им преступным путем, фактически под этим понимается не придание видимости права собственности на данное имущество, а совершение с ним сделок либо использование его для осуществления экономической деятельности.

Согласно результатам проведенного автором исследования при вынесении обвинительных приговоров по уголовным делам, возбужденным по ст. 174.1 УК РФ, цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом судами устанавливалась в 27,9% случаев.

В то же время в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда следственными органами или судами указывается на то, что действия, направленные на реализацию имущества, полученного в результате, например, хищения, составляют объективную сторону первоначального преступления.

Так, например, Нефтеюганским городским судом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области в ходе рассмотрения уголовного дела по обвинению гражданина Г. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 174.1 УК РФ (гражданин Г. совершил кражу сотового телефона и затем его продал, а вырученные от продажи деньги истратил), было отмечено следующее. По ч. 1 ст. 174.1 УК РФ гражданин Г. подлежит оправданию за отсутствием данного состава преступления, поскольку действия Г. по распоряжению сотовым телефоном охватываются составом преступления, предусмотренным ст. 158 УК РФ.

В соответствии с законом одним из признаков хищения является корыстная цель, изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Изъятие всегда сопряжено с обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Для хищения обязательно, чтобы поведение виновного было направлено на обращение имущества в пользу виновного или других лиц. В противном случае деяние не будет являться хищением¹.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М.: Юрайт-Издат, 2006.

¹ См.: Букарев В.Д. Некоторые аспекты квалификации субъективных признаков состава легализации (отмывания) доходов, приобретенных преступным путем // Российский судья. 2006. № 5.

² Белай М.Е. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с легализацией (отмыванием) преступных доходов: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 23.

³ См.: Караханов А.Н. Указ. раб. С. 11.

⁴ См. об этом, напр.: Галицкая Н.В. Борьба с легализацией преступных доходов в России: история вопроса, задачи, тенденции // Безопасность бизнеса. 2007. № 1.

В.Б. Букарев справедливо отмечает, что простое распоряжение преступно приобретенными денежными средствами или иным имуществом – это и есть цель корыстного преступления¹.

Тем не менее, отсутствие указания на цель в ст. 174.1 УК РФ позволяет правоприменителю на законных основаниях привлекать лиц к уголовной ответственности и по данной статье.

В принципе, в подобном случае правоприменителю сложно что-либо противопоставить, поскольку он следует букве уголовного закона. Однако это подтверждает убеждение автора в том, что формулировка ст. 174.1 УК РФ не отражает содержание самой природы отмывания преступных доходов.

Говоря о ст. 174 УК РФ, Б. Колб косвенным образом защищает законодателя в части невключения цели в диспозицию ст. 174.1 УК РФ: «По нашему мнению, указание на цель здесь излишне, поскольку она уже определена предшествующим текстом: совершение операций и сделок с денежными средствами и имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем. Дело в том, что нормативный акт – это не учебник, и необоснованное расширение текста часто сужает содержание состава преступления и усложняет его доказывание»².

А.А. Щербаков полагает, что ст. 174 УК РФ надлежит «...несколько «облегчить», изъяв из нее указание на «цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом». Избыточность данного указания в ст. 174 УК РФ подтверждается отсутствием его в ст. 174.1 УК РФ»³.

В.Б. Букарев считает, что указание в ст. 174 УК РФ на цель следует признать недостатком конструкции данного состава преступления, и в первую очередь потому, что такие деяния без приведенной выше цели назвать отмыванием в смысле Закона о легализации доходов нельзя⁴.

Ряд авторов также отмечают, что сам факт совершения финансовой операции или иной сделки либо использование приобретенных от преступления доходов в предпринимательской или иной экономической деятельности не должны считаться легализацией, если при этом отсутствует признак «придания правомерного вида»

приобретенным доходам. Доказывание такой специальной цели относится не только к ст. 174, но и к ст. 174.1 УК РФ¹. Ответственность наступает лишь тогда, когда субъекты предпримут действия, направленные на отмывание денег и другого имущества, добытого преступным путем².

Поэтому есть, конечно, и факты оправдательных приговоров. Так, например, Косихинским районным судом Алтайского края было рассмотрено уголовное дело по обвинению гражданина Ч., который отрицал наличие цели отмывания преступных доходов. Более того, он заявил, что затрудняется пояснить, что такое отмывание. В данном случае, как и при рассмотрении других уголовных дел с такой же позицией обвиняемых, суд оправдал гражданина Ч. по ст. 174.1 УК РФ за отсутствием состава преступления.

Однако подобное разрешение ситуации представляет собой, по сути, распространительное толкование ст. 174.1 УК РФ.

Принимая во внимание тяжесть последствий ошибочного и произвольного применения уголовно-правовых норм, общие принципы права предъявляют к ним особенно жесткие требования определенности и конкретности содержания, предельной ясности и полноты описания признаков преступления, наличия четких критериев для определения запрещенного деяния, которые должны быть доступны пониманию, отчетливо сознаваться субъектом преступления и исключать любое иное, тем более расширительное, толкование правоприменительной практикой³.

Н.А. Лопашенко⁴, А.М. Селезнев и О.А. Рыжов⁵ абсолютно точно замечают, что законодатель не включает в число обязательных признаков преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, специальную цель.

Это действительно так, причем отсутствие в ст. 174.1 УК РФ указания на цель нельзя признать «технической ошибкой», такова осознанная воля законодателя, его принципиальная позиция⁶.

С.В. Максимов при рассмотрении ст. 174 УК РФ в первоначальной редакции об отсутствии указания в ней на специальную цель пишет:

¹ См.: Букарев В.Б. и др. Указ. раб.

² См.: Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2005.

³ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова (постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П).

⁴ См.: Лопашенко Н. Ответственность за легализацию преступных доходов // Законность. 2002. № 1.

⁵ См.: Селезнев А.М., Рыжов О.А. Некоторые уголовно-правовые аспекты составов преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1, 175 УК РФ // Российский следователь. 2006. № 1. С. 26–28.

⁶ См. подр. об этом: Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статус, 2005.

¹ Букарев В.Б. Указ. раб.

² Колб Б. Отмывание денег // Законность. 2004. № 1.

³ Щербаков А.А. Квалификация неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством с целью получения «вознаграждения» («выкупа») за возврат потерпевшему предмета завладения // Российский судья. 2006. № 11.

⁴ См.: Букарев В.Б. Указ. раб.

«...законодатель исходил из того, что легализация (отмывание) есть фактическая сторона любой финансовой операции или другой сделки, предпринимательства или иной экономической деятельности, которые осуществляются в соответствии с законодательством РФ. Лицо, осознающее, что совершает финансовую операцию или сделку с денежными средствами или иным имуществом, не может не желать придания этой операции (сделке) правомерного характера»¹.

Однако цель преступника состоит именно в придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступным имуществом, а не собственно сделке, путем совершения которой оно отмывается. Совершая финансовые операции или другие сделки, осуществляя предпринимательство или иную экономическую деятельность с имуществом, полученным преступным путем, никак нельзя сказать о том, что подобная деятельность носит законный характер. Осуществляя ту или иную транзакцию с преступными доходами, направленную на поддержание преступной деятельности, например на увеличение рынка незаконного оборота наркотиков или финансирование терроризма, преступник не всегда в ходе этого процесса преследует цель отмывания. Кроме того, сложившаяся в России практика свидетельствует о том, что зачастую «коммерсанты» просто не беспокоятся по поводу придания видимости легальности своим незаконным сделкам, будучи уверенными в своей безнаказанности.

Как отмечает И.А. Клепицкий, ст. 174.1 УК предусматривает ответственность вовсе не за отмывание денег, а за действия, лишь внешне сходные с отмыванием денег, не представляющие какой-либо социальной опасности².

По мнению автора, такое положение вещей нарушает общеправовой (межотраслевой) принцип «non bis in idem (ne bis in idem)» (дважды за одно и то же недопустимо (лат.))³, нашедший закрепление в ч. 2 ст. 6 УК РФ, согласно которой никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. «Это означает, что лицо, единолично или в соучастии совершившее первичное уголовно наказуемое деяние, не может быть исполнителем преступления, заключающегося в отмывании денег»⁴.

В.И. Крусс по этому поводу говорит, что в уголовном праве появляется эффект скрытого «удвоения» состава преступления, когда объектом различной (множественной) уголовной квалификации становятся фактически одни и те же действия. Многие судьи отказываются признавать обоснованной методику «дробления» единых по составу деяний, направленных на изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Однако и сегодня фигурантами по делам об отмывании имущества, добытого преступным путем, остаются преимущественно лица, пытавшиеся сбыть (или сбывавшие) присвоенное ими чужое имущество. При этом их действительными целями были (и остаются) обогащение, фактическое удовлетворение собственных потребностей и обеспечение максимальной «эффективности» преступного результата, а не отмывание как таковое¹.

Учитывая изложенное, автор убежден, что требуется декриминализация деяний, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ.

Исходя из анализа международно-правовых документов, здесь важно отметить, что декриминализация данной статьи позволит мобилизовать все усилия на выявление отмывания доходов именно в том его проявлении, к противодействию которому стремится мировое сообщество.

Подводя итог рассмотрению субъективной стороны отмывания преступных доходов, исходя из проведенного автором анализа законодательства и правоприменительной практики, целесообразно реализовать следующие рекомендации.

1. Декриминализировать деяния, предусмотренные ст. 174.1 УК РФ, что будет полностью соответствовать Конвенции ETS № 141.

2. Сформулировать диспозицию ст. 174 УК РФ следующим образом: «Умышленное придание правомерного вида или владению, или пользованию, или распоряжению доходами, заведомо полученными другим лицом преступным путем».

При таком решении вопроса становится очевидным, что субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, причем умысел здесь исключительно прямой; для наступления ответственности по ст. 174 УК РФ необходимо доказать осознание лицом факта преступного происхождения доходов.

¹ Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999. С. 490.

² См.: Клепицкий И.А. Указ. раб.

³ См.: Латинские юридические изречения / Сост. Е.И. Темнов. М.: Экзамен, 2003. С. 269.

⁴ Семенов В.М. Отграничение кражи от смежных составов преступления // Российский следователь. 2005. № 10.

¹ См.: Крусс В.И. Государственное противодействие противоправным доходам и конституционное правоупотребление // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 6.

И.В. ИЛЬИН,
кандидат юридических наук,
(ВНИИ МВД России)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Рассматривая определение понятия «экономическое мошенничество», мы предвидим упрек со стороны специалистов уголовного права в тавтологии, поскольку мошенничество, находясь в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», не может быть «неэкономическим».

Однако это не ошибка. Речь идет об экономическом мошенничестве с криминологических или, точнее, социокриминологических позиций. То есть экономическое мошенничество в данном случае исследуется как вид экономического преступления, к которым относят далеко не все преступления в сфере экономики.

Выделение криминологического понятия «экономическое мошенничество» имеет большую как теоретическую, так и научно-прикладную значимость. Нетрудно заметить, что оно выделяется из общего понятия «мошенничество». Несмотря на одинаковую квалификацию с точки зрения уголовного права, мошенничество, совершаемое в экономической сфере, и иное мошенничество (общеуголовное) имеют разные значения.

Определение понятия «экономическое мошенничество» сопряжено с рассмотрением системы родственных и близких по содержанию понятий, сравнительным анализом соответствующих научных взглядов, наконец, с анализом видов преступлений, входящих в данное понятие.

Криминологическое исследование феномена экономического мошенничества, естественно, невозможно без решения центральной проблемы – определения понятия «экономическая преступность», относительно которого до настоящего времени идут споры.

Экономическая преступность в качестве самостоятельного понятия, обозначающего криминальные явления, охватывающие сферу хозяйствования, область экономических отношений, стала предметом криминологического интереса

сравнительно недавно. В период 70-80-х годов прошлого века изучением природы преступлений (обозначавшихся, как правило, прилагательным «хозяйственные») были заняты такие исследователи, как Б.Е. Богданов, Г.К. Синилов, А.Н. Ларьков, А.М. Яковлев и др. Большинство трудов по известным причинам было посвящено преступным посягательствам на так называемую социалистическую собственность.

Со второй половины восьмидесятых годов в связи с началом реформирования экономических отношений, введением элементов рыночного хозяйствования, частной собственности и предпринимательства в криминологию постепенно начинается процесс переосмысления подходов к оценке самой природы экономической преступности, ее детерминации и т.д.

Середина девяностых годов ознаменовалась не только резким обострением противоречий в обществе, обусловленных последствиями шоко-терапии и ошибками последующего рыночного реформирования, но и констатацией факта всеобщей криминализации экономических отношений, охватившей российское хозяйство. Именно в этот период интерес к проблеме экономической преступности возникает с новой силой, появляются первые глубокие научные исследования и публикации на эту тему, начинается подготовка нового уголовного закона.

Как правило, в литературе нечетко выделяются критерии отнесения тех или иных преступлений к разряду экономических. Диапазон различных мнений относительно определения экономического преступления очень широк, а доводы и аргументы очень противоречивы, поэтому квалифицировать те или иные преступления в качестве экономических довольно-таки сложно.

Следует заметить, что немалое влияние на формирование понятия «экономическая преступность» оказала западная криминология.

В большинстве развитых стран это понятие не имеет четких уголовно-правовых границ¹, а в криминологических, социологических и социально-экономических исследованиях его применяют в отсутствие какого-либо устоявшегося, общепринятого определения. Вместе с тем, в течение второй половины XX столетия многие государства с развитой рыночной экономикой прошли собственный путь в осознании особой социальной опасности данного вида преступных деяний; эволюционировали и подходы как в отношении определения содержания понятия экономической преступности, так и мер по установлению контроля над ней.

Е.Е. Дементьева, специально исследовавшая проблемы экономической преступности в странах с развитой рыночной экономикой, отмечает, что интерес к данной теме в западной криминологии возник еще с начала двадцатого столетия². Однако в тот период под экономической понималась преступность бедных слоев населения, включавшая кражи и прочие посягательства на собственность, а также нищенство, бродяжничество. Лишь в середине века начинается формироваться принципиально иной подход, в соответствии с которым экономической стала считаться так называемая беловоротничковая преступность, а затем в число экономических стали включать и более широкий круг преступных деяний, связанных со злоупотреблением властью в сфере экономики.

Понятие «беловоротничковая преступность» (white collar crime (WCC)) впервые ввел в научный оборот американский криминолог Э. Сазерленд, обративший внимание на особую социальную опасность преступлений, совершаемых в ходе профессиональной деятельности уважаемыми лицами – бизнесменами и людьми определенных профессий, которые используют свое положение в обществе с целью злоупотребления доверием. То есть это преступление, совершенное заслуживающим уважения лицом, занимающим высокое общественное положение в процессе осуществления им своей профессиональной деятельности³.

Тем не менее, как у нас в законодательстве отсутствует понятие «экономическое преступление», так и в законах США нет определения понятия «белый воротничок»¹. И впоследствии определение, данное Э. Сазерлендом, подверглось обширной критике ученых. Среди них были Г. Маннхейм², Р. Миллз³, В. Паккард⁴, Г. Блох и Г. Гайс⁵.

Суть критики сводилась к тому, что Э. Сазерленд узко определил границы субъекта преступления, обозначив его статус как «лицо, занимающее высокое общественное положение». Рассматриваемые им деяния лучше было бы обозначить не как White Collar Crime («беловоротничковая преступность»), а как Tuccoon Crime («преступность воротил большого бизнеса»)⁶.

Нам же представляется более научной точка зрения профессора Г. Маннхейма, определяющего «беловоротничковое преступление» как совершаемое в процессе своей профессиональной деятельности лицом не ниже среднего класса, занимающим *высокое положение*, используемым злоупотребление доверием⁷.

Конечно, определение беловоротничковой преступности сыграло немалую роль в развитии понятия экономической преступности. Некоторые даже их отождествляют.

Б. Свенсон, шведский криминолог, понимает под экономическими преступлениями те преступления, в которых в качестве мотива выступает экономическая выгода, должны носить длящийся характер, осуществляться систематически в рамках легальной хозяйственной деятельности⁸. Также он полагает, что экономические преступления трудно выявляемы, наносят большой ущерб обществу или группам лиц, имеют большой размах, относятся к хозяйственной деятельности и совершаются только специальными субъектами, например предпринимателями, коммерческими агентами и т.п.⁹

Американские ученые Куини и Клинард предложили разделить экономическую преступность на два вида: 1) преступность по роду занятости и 2) преступность корпораций (причем последний

¹ См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. С. 246-247.

² См.: Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии) // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 5. М., 1992. С. 5.

³ См.: Sutherland E.H., Crime and Business. The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 217, 112, 1941; Sutherland E.H. White Collar Crime. Dryden Press, Inc. New York, 1949, Newed., 1961. P.9; Никифоров А.С. Беловоротничковое преступление: подход к определению понятия // США: преступность и политика / Под ред. Б.С. Никифорова. М., 1972. С. 47.

¹ См.: Никифоров А.С. Указ. раб. С. 48.

² См.: Mannheim H. Comparative criminology. Boston – New York – Atlanta – Geneva, 1965. Vol. II. P. 491.

³ См.: Mills W. White Collar. New York, 1951.

⁴ См.: Packard V. The status Seekers. London, Harmondsworth, 1960. P. 36.

⁵ См.: Bloch H., Geis G. Man, Crime and Society. P. 385; Geis G. Towards a Delineation of white Collar Offences // Social Inquiry. Vol. 32. № 2. Spring. 1962. P. 160.

⁶ См.: Никифоров А.С. Указ. раб. С. 54.

⁷ См.: Mannheim H. Указ. раб. С. 473-474.

⁸ См.: Свенсон Б. Экономическая преступность / Пер. со шведск. М., 1997. С. 25-26.

⁹ См.: Там же. С. 25, 27, 149.

вид они отнесли к беловоротничковой преступности). В первый вид авторы включили преступления, совершаемые индивидами из личной выгоды в процессе профессиональной деятельности, а также преступления, совершаемые служащими против своих предпринимателей, а ко второму – преступления представителей администрации корпораций, совершаемые с целью принести прибыль самой корпорации, а также преступления со стороны корпорации в целом¹.

Одним из первых российских ученых, который заявил о том, что понятие «экономическая преступность» – не только уголовно-правовое, но и криминологическое, был А.М. Яковлев. Он считает, что основным признаком включения преступлений в категорию «экономические» является связь с конкретными особенностями экономического, хозяйственного механизма². При этом он указывает, что субъект преступления в данном случае должен занимать конкретное положение в сфере народного хозяйства, являться участником экономических отношений либо обладать социальной ролью, социальной позицией и ситуацией, которые характерны для функционирования определенных элементов хозяйственного механизма³. Такой же точки зрения придерживается В.Е. Мельникова⁴.

И.И. Рогов понимает экономические преступления как совокупность криминологически однородных общественно опасных деяний, посягающих на экономическую систему страны, совершенных лицами, выполняющими экономические, хозяйственные функции в государственных или общественных предприятиях, организациях, либо на отношения между гражданами⁵.

Здесь автор, во-первых, ограничивает сферу экономических преступлений теми деяниями, которые связаны лишь с хозяйственной деятельностью, и это является значительным шагом вперед по сравнению с позицией, высказанной в отечественной специальной литературе до него. Во-вторых, рассматривает лишь легальное, уго-

ловно-правовое понятие экономической преступности.

Автор также выделяет признаки экономических преступлений. Первым из них является общность объекта посягательства – экономическая система государства. К подобного рода преступлениям И.И. Рогов относит, например, кражу государственного или общественного имущества, совершенную работником предприятия, откуда имущество похищено¹.

В качестве второго признака И.И. Рогов выделяет криминологическую однородность экономических преступлений. Третьим признаком автор называет связь экономического преступления с конкретными особенностями экономического хозяйственного механизма. Четвертый признак экономических преступлений, по И.И. Рогову, относится к особенностям субъектов, совершающих данные деяния: «их субъектом может быть лишь лицо, непосредственно выполняющее хозяйственные функции, "включенное" в систему тех экономических отношений, на которые эти преступления посягают²».

Несмотря на отсутствие четкости в определении понятия экономической преступности, сформулированного И.И. Роговым, оно явилось попыткой ограничить его лишь сферой хозяйственной деятельности, а также отделить собственно криминологическое понятие экономической преступности от уголовно-правового.

А.М. Медведев дает следующее определение рассматриваемой нами категории: экономические преступления – это общественно опасные деяния, посягающие на экономику как на совокупность производственных (экономических) отношений и причиняющие ей материальный ущерб³. При этом автор справедливо замечает, что при традиционном подходе к определению объекта преступления (включая и экономические преступления) как общественного отношения сами участники последнего во внимание не принимаются. Также автор указывает на то, что экономические преступления посягают на экономику, права, свободы, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического (хозяйственного) механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам материальный ущерб⁴.

¹ Цит. по: Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии). М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 7–8; Дмитриев О.В. Понятие экономической преступности в современной криминологии // Адвокатская практика. 2005. № 4.

² См.: Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988. С. 50.

³ См.: Там же. С. 51.

⁴ См.: Мельникова В.Е. Причины и условия хозяйственных преступлений, совершаемых должностными лицами с использованием своего служебного положения. М., 1990. С. 4.

⁵ См.: Рогов И. И. Экономика и преступность. Алма-Ата, 1991. С. 91; Он же. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1991. С. 11–12.

¹ См.: Рогов И.И. Проблемы борьбы с экономической преступностью. С. 11.

² Там же. С. 10–11.

³ См.: Медведев А.М. Экономические преступления: понятие и система // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 81.

⁴ См.: Там же.

Данное определение значительно выиграло бы и в теоретическом, и в прикладном отношении, если бы автор конкретизировал, на какие права и свободы, потребности и интересы посягают экономические преступления. Иначе получается, что к категориям экономических можно отнести и такие преступления, которые не имеют отношения собственно к экономике: например мошенничество, совершенное в отношении гражданина.

Некоторые авторы придерживаются расширительного толкования экономических преступлений. Так, П.С. Яни относит к их числу все посягательства на собственность, налоговые, валютные, предпринимательские, таможенные преступления¹, а по мнению Т.Т. Петровой, экономическую преступность следует определять как явления, нарушающие установленные государством формы экономических отношений. Но ведь экономические отношения не ограничиваются лишь сферой предпринимательства – они значительно шире, и незаконные экономические отношения имеют место не только в сфере предпринимательства.

Существует немало сторонников и узкого подхода к толкованию экономических преступлений². Можно, впрочем, найти и вовсе нейтральную позицию, когда автор вообще обходит стороной проблему содержания понятий «экономические преступления» и «экономическая преступность»³.

Довольно-таки основательно к изучению данных понятий подошел В.М. Егоршин, который выделил три варианта критериев экономической преступности⁴.

В соответствии с первым критерием автор относит к экономическим все преступления, которые затрагивают любые виды экономических отношений, складывающихся как в сфере хозяйствования (в экономике), так и вне ее пределов.

Несомненно, многие преступления общеуголовного характера (грабеж, кража, вымогательство и т.д.) имеют экономическую, корыстную мотивацию, затрагивают те или иные публичные либо частные экономические интересы и, следовательно, посягают на соответствующие приня-

тые в обществе экономические отношения. Но вряд ли этот признак может служить достаточным основанием для автоматического отнесения подобных преступлений в разряд экономических.

Согласно второму критерию к экономическим относятся преступления, совершаемые в сфере экономики. Соответственно, к категории экономических будут относиться как преступные деяния в процессе непосредственного осуществления экономической деятельности, так и связанные с ней, но совершаемые в границах функционирования хозяйственной системы. В последнем случае нужно называть экономическими, например, такие преступления, как хищения на производстве, допускаемые наемными работниками.

Кроме того, следуя данной концепции, можно зачислить в группу экономических преступления, относящиеся хотя и к одной конкретной отрасли жизнедеятельности общества (экономике), но совершаемые разными категориями субъектов экономических отношений. Это могут быть как наемные работники, включая категории «белых воротничков» и «голубых воротничков», так и собственники средств производства; бизнесмены, предприниматели и их представители, с одной стороны, и госслужащие, принимающие решения в сфере хозяйствования (чиновники от экономики), – с другой.

Следуя третьему критерию, к категории экономических относятся лишь такие преступления, которые совершаются только в ключевом сегменте экономики (системе хозяйствования), связанном с извлечением прибыли, т.е. в сфере экономической деятельности в области предпринимательства.

Следует сказать, что в науке существует множество сходных и смежных с «экономическим преступлением» понятий. Так, наряду с понятием экономической преступности и экономических преступлений еще не так давно достаточно широко применялось понятие «хозяйственные преступления». В определении содержания данного понятия было много разночтений. Одни авторы, исходя из идеологии старого УК РСФСР, содержащего отдельную главу «Хозяйственные преступления», считали этот вид преступлений достаточно самостоятельным. Другие, наоборот, полагали, что хозяйственные преступления – лишь разновидность экономических. Позицию этой группы авторов разделял, например, Б.В. Волженкин¹.

¹ См.: Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес-школа "Интел-синтез"», 1997. С. 33-34.

² См., напр.: Новое уголовное право России. Часть Особенная. М., 1996. С. 147; Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 283.

³ См.: Верин В.П. Преступления в сфере экономики: Учебно-практическое пособие. М.: Дело, 1999.

⁴ См.: Егоршин В.М. Экономическая преступность и безопасность современной России: Дис... д-ра юрид. наук. Москва, 2002. С. 131.

¹ См.: Волженкин Б.В. Новые подходы к проблемам ответственности за должностные и хозяйственные преступления // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1994. С. 15.

Н.Ф. Кузнецова считала, что экономическая преступность складывается из посягательства на собственность и предпринимательских преступлений (подразумевая под ними все хозяйственные преступления, совершаемые как в государственном, так и в частном секторе экономики)¹. Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов к преступлениям в сфере экономики относили хозяйственные преступления наряду с еще двумя категориями – «иные государственные преступления, посягающие на экономические интересы нации» и «преступления против собственности»².

Но в связи с происшедшими в нашей стране принципиальными изменениями в экономико-политическом устройстве и системе социально-экономических отношений определенные трансформации претерпела и система правового регулирования экономической деятельности. Уголовный кодекс РФ коренным образом реформировал систему преступлений в области экономики, выделив преступления в сфере экономической деятельности в отдельную главу.

Эти изменения подвели черту в споре специалистов по поводу обозначения преступлений в качестве хозяйственных или экономических, переводя определение «хозяйственные» в разряд дефиниций, которыми будут оперировать преимущественно историки криминологической науки.

Также наряду с понятиями экономического и хозяйственного преступления, экономической преступности и преступности в сфере экономики, сегодня используется такое понятие, как «преступления экономической направленности», которое было введено указанием МВД России от 28 января 1997 г. № 1/1157 «О порядке определения экономической направленности выявляемых преступлений». Согласно данному документу к преступлениям экономической направленности относятся три группы преступлений:

преступления, ответственность за которые предусмотрена большинством статей главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» и главы 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»;

преступления, ответственность за которые предусмотрена другими главами УК РФ, но если на момент принятия решения по заявлению, сообщению о возбуждении уголовного дела было установлено, что они совершены:

а) лицами:

должностными, материально-ответственными и иными лицами, выполняющими на предприя-

тиях, учреждениях и в организациях независимо от форм собственности и организационно-правовых форм организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности;

лицами, не наделенными указанными полномочиями, но имеющими доступ к предмету посягательства для выполнения трудовых обязанностей по роду деятельности и службы;

лицами, выполняющими обязанности по охране имущества или объекта, в котором оно хранится, без материальной ответственности;

б) в процессе осуществления производственно-хозяйственной и финансовой деятельности в отношении:

предприятий, учреждений, организаций и иных структур, являющихся юридическими лицами, независимо от форм собственности, организационно-правовой формы и объединений (граждан, юридических лиц), не являющихся юридическими лицами;

физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и официально зарегистрированных в качестве предпринимателей.

В данную группу и включено рассматриваемое нами мошенничество. Таким образом, в практике МВД это преступление делят на мошенничество, относящееся к компетенции подразделений экономической безопасности МВД России, и мошенничество, относящееся к компетенции подразделений уголовного розыска (ОУР). Мы соответственно делим мошенничество на экономическое и общеуголовное.

К третьей группе относится незначительное количество преступлений при условии, что они были выявлены при раскрытии других экономических преступлений.

Понятие «преступления экономической направленности» лишь в редких случаях используется в научном обороте¹. Оно широко применяется лишь в статистической отчетности органов внутренних дел. Однако это не означает, что данный документ (указание МВД России) не повлиял на развитие и дальнейшее формирование понятия «экономическая преступность». Так, В.С. Устинов и А.Ю. Арефьев экономическую преступность делят на три группы, принимая за критерий классификации именно указание МВД России от 28 января 1997 г. № 1/1157. Авторы выделяют соответственно три вида экономических преступлений: безусловно-экономические, условно-экономические и попутно-экономические.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского ун-та. 1993. № 4. С. 12.

² См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. М., 1996. С. 12, 16-18.

¹ А.И. Алексеев предлагает со ссылкой на существующую в официальных статистических справочниках МВД России практику группировки преступлений вместо понятия «преступления в сфере экономической деятельности» использовать понятие «преступления экономической направленности» (См.: Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. М.: Изд-во «Щит-М», 1998. С. 256-257).

Из проанализированных определений нам больше всего импонирует точка зрения В.В. Колесникова, который понимает под экономическими два вида преступлений. Это, во-первых, те которые совершаются в сфере производства и затрагивают экономические отношения, связанные непосредственно с производительной функцией (деятельностью) бизнеса. Во-вторых, – те, что совершаются в сфере распределения, обмена и потребления товаров и услуг¹.

Примерно такой же точки зрения придерживаются другие ученые: Г.Н. Горшенков², А.Х. Казарина³, В.Д. Пахомов, П.Г. Пономарев, В.С. Устинов, А.Н. Чеботарев⁴.

Мы не согласны с авторами, которые считают, что экономическое преступление может совершить только специальный субъект⁵.

Известны случаи компьютерного мошенничества, мошенничества с использованием платежных карт и даже фальшивомонетничества, которые бесспорно признаются экономическими⁶. При этом данные преступления совершают не обязательно субъекты экономической деятельности.

Таким образом, экономическое мошенничество содержит в себе два признака. С одной стороны, оно входит в группу экономических преступлений вообще, с другой – является одним из видов мошенничества.

Мы считаем, что под экономическим понимается мошенничество, совершаемое в отношении публичных образований (государства, субъектов федерации, муниципальных образований), предприятий, учреждений, организаций и иных структур, являющихся юридическими лицами, независимо от форм собственности, организационно-правовой формы объединений (граждан, юридических лиц), не являющихся юридическими лицами, физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и официально зарегистрированных в качестве предпринимателей, либо мошенничество, совер-

шаемое в процессе экономической деятельности в отношении большой группы людей.

Определим признаки, отличающие экономическое мошенничество (ЭМ) от общеуголовного мошенничества (ОУМ).

Во-первых, отличие состоит в характеристике личности преступника. Должностное положение субъекта преступления является необходимым условием в совершении некоторых видов экономического мошенничества. Например, М. в соучастии с В. совершила в отношении ОАО «АКБ Автогазбанка» мошенничество¹. При этом М. использовала свое должностное положение бухгалтера. Для совершения общеуголовного мошенничества должностное положение не является необходимым условием совершения преступления.

Для экономического мошенничества необходимы, к примеру, знания бухгалтерского учета, законодательства и т.п. Чтобы совершить общеуголовное мошенничество, такие знания совсем не обязательны.

Экономическое мошенничество обладает отличительными способами. Для его совершения порой создаются лжепредприятия, организуется широкая реклама и т.п., создается своеобразный «фасад»: снимаются дорогие помещения под офисы, приобретается подложная документация. Экономическое мошенничество тщательно планируется, оно многоэпизодно, часто имеет межрегиональный характер и т.д.

Ущерб от экономического мошенничества значительно больше, чем от общеуголовного.

Отличают экономическое мошенничество от общеуголовного и по виктимологической характеристике. Жертвами экономического мошенничества становятся юридические лица или иные образования, физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью и официально зарегистрированные в качестве предпринимателей, либо большие группы людей. К числу жертв экономического мошенничества относятся также и публичные образования (государство, субъекты федерации, муниципальные образования). В качестве жертв общеуголовного мошенничества, как правило, выступают физические лица.

Различны причины экономического и общеуголовного мошенничества, как, впрочем, экономической и общеуголовной преступности в целом.

Следует заметить, что количество появлений экономического мошенничества за последние годы возросло. Если в 90-х годах оно составляло около 10%, то в настоящее время на его долю приходится примерно 55% в общей массе мошенничества.

¹ См.: Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные отношения. СПб., 1994. С. 64-65.

² См.: Горшенков Г.Н. Экономическая преступность как криминологическая категория: Лекция. Н. Новгород, 1994. С. 3-12.

³ См.: Казарина А.Х. Преступность в экономике и ее предупреждение // Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 1997. С. 316.

⁴ См.: Пахомов В.Д., Пономарев П.Г. Чеботарев А.Н. Экономическая преступность // Криминология / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 482-485.

⁵ Здесь имеется в виду специальный субъект не в уголовно-правовом значении, а субъект экономической деятельности, для которого производство, распределение и обмен являются основной функцией.

⁶ См.: Шинкарев Р. Новый Уголовный кодекс РФ: ответственность за совершение экономических преступлений // Выпуски юридического агентства «Ирсан». 1996. № 20, 22.

¹ См.: Уголовное дело № 84582 // Архив Автозаводского районного суда г. Н. Новгорода.

Е.Б. КУРГУЗКИНА,
доктор юридических наук
(Филиал ВНИИ МВД России по Черноземью)

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Криминология, как и любая наука, ставит и решает свои специфические задачи. Данные задачи основаны как на внутренних потребностях и закономерностях самой науки, так и на необходимости использования ее результатов на практике. Развитие теоретической базы криминологии является приоритетным, поскольку она имеет первостепенное значение для выработки научно обоснованных рекомендаций по предупреждению преступности и другим практическим вопросам. От качества и глубины разработки общих проблем криминологии зависит качество и полнота исследования частных вопросов науки.

Одним из недостаточно систематизированных методологических приемов криминологии нам представляется криминологическая характеристика преступности.

Если мы обратимся к научной литературе, то увидим, что лишь в некоторых публикациях напрямую рассматривалось это явление и делались попытки его систематизировать.

Криминологический анализ никогда не обходится без обращения к криминологической характеристике. Однако самому этому понятию и его сущности как общей категории уделялось недостаточно внимания. Вопросы криминологической характеристики преступности касались В.Б. Ястребов, В.Е. Эминов, С.Н. Абельцев и другие. Наиболее полно они исследованы А.Г. Мусеиловым. Данная тема рассматривалась и в других работах.

Прежде всего необходимо определить, что следует понимать под криминологической харак-

теристикой. Четкого понятия до настоящего времени не разработано. Так, В.Б. Ястребов считает, что ее можно определить как совокупность признаков преступных деяний, необходимых для осуществления эффективной борьбы с ними¹. В данном определении отсутствуют сущностные признаки, позволяющие отличить данное понятие от смежных. Если понимать под криминологической характеристикой признаки преступлений, то фактически мы выйдем на уголовно-правовое понятие преступления или состава преступления, чем задача формулирования понятия криминологической характеристики не выполняется. К тому же наука криминология, обладая своим собственным предметом, методом, оперирует также и своими собственными понятиями и исследует не конкретные преступления, а обобщенные модели их видов и преступность как социальное явление. Поэтому говорить о криминологической характеристике преступления полагаем неверным. Уместнее вести речь о криминологической характеристике преступности и ее видов.

В.Е. Эминов несколько по-иному, уже полнее, определяет криминологическую характеристику, полагая, что это совокупность данных (достаточная информация) об определенном виде (группе) преступлений либо конкретном особо опасном деянии, используемых для предупреждения таковых². Позднее В.Е. Эминов несколько

¹ См.: Ястребов В.Б. К вопросу о понятии криминологической характеристики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. М., 1982. С. 15.

² См.: Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1995. С. 211.

переработал понятие криминологической характеристики, определив ее как совокупность данных (достаточной информации) об определенном виде (группе) преступлений либо конкретном противоправном деянии, используемых для разработки и реализации мер профилактического характера¹.

В целом оба определения профессора В.Е. Эминова мало отличаются друг от друга. Шагом вперед можно считать указание на признак информативности криминологической характеристики преступления. Однако в данных определениях по-прежнему идет речь о преступлении, при этом ничего не говорится о признаках преступности и личности преступника (криминогенной личности), ради предупреждения деятельности которой и существует криминология.

В словаре криминологических терминов указанного издания (см. сноски 2,3) И.М. Мацкевич глубже формулирует понятие криминологической характеристики, обозначая ее как описание свойств, закономерностей, фактов и последствий преступности (отдельного ее рода или вида), а также свойств личности преступника (отдельного ее типа)². Данная дефиниция в большей степени является криминологической. В ней уже говорится о преступности (а не об отдельном преступлении), расшифровываются признаки, входящие в криминологическую характеристику. Однако в данном определении при выделении признаков не уделяется внимания связи криминологической характеристики с профилактикой преступности.

Чтобы предупредить преступление, надо выявить конкретную личность по криминогенным признакам еще до совершения ею этого преступления.

О криминологической характеристике преступлений и лиц, их совершивших, упоминает и С.Н. Абельцев, видя в них в целом отражение типичного. Развернутого понятия криминологической характеристики он не дает, но делает точное замечание о том, что нет и не может быть характеристики абсолютно отдельного, конкретного преступления (это уже не криминологическая проблема и иной уровень анализа, что более всего относится к уголовному праву и уголовному процессу)³.

Достаточно тщательно изучены проблемы

¹ См.: Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 1999. С. 304.

² См.: Там же. С. 600.

³ См.: Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000. С. 18-19; Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск, 1973; Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М., 1980. С. 27-30, 39-42.

криминологической характеристики преступлений А.Г. Мусеибовым. Он рассматривает ее как типовую информационную модель криминогенных объектов – причин и условий совершения отдельных видов (групп, категорий) преступлений или видов преступности, а также носителей этих причин и условий. Такая характеристика содержит описание и объяснение значимых для осуществления предупредительной деятельности проявлений того или иного вида преступности, типологических признаков и свойств лиц, психологически готовых к совершению преступлений определенного вида либо восприимчивых к такой готовности, механизма преступного поведения, обстоятельств, порождающих данный вид преступлений либо способствующих или облегчающих совершение этих преступлений¹.

Делая вывод о производности содержания криминологической характеристики от предмета криминологии, А.Г. Мусеибов верно подмечает ее информативный обобщенный модельный вид. Он отмечает связь криминологической характеристики с предупредительной деятельностью. Однако, на наш взгляд, логически неверно вести речь о криминологической характеристике преступлений. Криминология занимается преступностью как негативным социокультурным феноменом, и смешивать в формулировке понятия «преступление» и «преступность» не совсем оправданно. Кроме того, криминологическая характеристика должна касаться не только отдельных видов преступности, но и преступности вообще как обобщенного явления.

Понятию криминологической характеристики преступности уделяет внимание В.Д. Ларичев. Основываясь на определении В.Е. Эминова, он определяет криминологическую характеристику преступности как совокупность данных об определенном виде (группе) преступлений, личности преступников, причинах и условиях, способствующих их совершению. Она должна показывать направление деятельности уполномоченных органов по воздействию на лиц с целью недопущения преступлений со стороны этих лиц, а также по выявлению и устранению (нейтрализации) криминогенных факторов².

Такое определение несколько конкретизирует признаки криминологической характеристики, включая в их число не только совокупность данных о виде преступлений, но и сведения о личности преступника, причинах и условиях совершения преступлений, способствует определению

¹ См.: Мусеибов А.Г. Частные методики предупреждения преступлений. Воронеж, 2003. С. 81.

² См.: Ларичев В.Д. Преступность в сфере экономики. М., 2003. С. 23.

направлений воздействия на криминогенных лиц для недопущения совершения ими преступлений, а также путей нейтрализации криминогенных факторов.

Отметим, что и это определение сущности криминологической характеристики преступности в полной мере не раскрывает.

По мнению Г.Т. Лозовицкой, криминологическая характеристика явления, в том числе и преступности, представляет собой законодательный анализ, на основе которого определен акт поведения криминализируется, а также выработку и формулирование комплекса мер, способствующих предупреждению данного криминогенного явления¹.

Данное определение обладает целым рядом недостатков. Связано это с тем, что нельзя признать существенными признаками понятия криминологической характеристики законодательный анализ преступности, поскольку это прерогатива науки уголовного права. Вызывает удивление и утверждение о криминализации деяний в зависимости от законодательного анализа актов поведения человека. Тут присутствует явная путаница понятий. Криминализация акта поведения возможна только на основе криминологического анализа явления ввиду того, что если деяние признано уголовным законом преступлением, то оно уже не нуждается в криминализации, а если деяние не криминализовано, то его «законодательный» (имеется в виду уголовно-правовой) анализ невозможен. Здесь, как представляется, присутствует смешение криминологии и уголовного права, наук, хотя и тесно связанных, но все же самостоятельных.

Полагаем, что под криминологической характеристикой преступности следует понимать систематизированную совокупность общих и частных признаков, характеризующих качественные и количественные стороны данного негативного социокультурного явления, значимых для прогнозирования преступности и предупредительного воздействия на нее.

Что следует включать в структуру криминологической характеристики преступности? Подходы к этому вопросу дискуссионны. Так, В.Б. Ястребов выделяет следующие ее составляющие: 1) пространственно-временные параметры преступлений; 2) особенности, имеющие значение для понимания детерминант преступных проявлений; 3) особенности, имеющие значение для организации предупредительной деятельности².

¹ См.: Лозовицкая Г.П. Криминологическая характеристика преступных посягательств на интересы лиц, участвующих в правосудии. М., 2006. С. 105.

² См.: Ястребов В.Б. Указ. раб. С. 16-17.

В.Е. Эминов выделяет три основных блока элементов криминологической характеристики: 1) криминологически значимые признаки преступления; 2) данные, раскрывающие криминологическую ситуацию совершения преступлений таких типов; 3) признаки, определяющие специфику деятельности по предупреждению преступлений. Кроме того, все элементы криминологической характеристики он подразделяет на субъективные (свойства личности преступника; мотив и цель преступления; свойства личности потерпевшего); объективные (статистика преступлений; сведения о социальных условиях преступления); комплексные (причины преступлений, последствия преступлений, механизм преступления; обстоятельства, способствующие совершению преступлений)¹.

В следующем виде структуру криминологической характеристики определяет С.Н. Абельцев: 1) характеристика типичной исходной информации об объектах исследований; 2) данные о конкретных преступлениях, типичных способах их совершения, когда это связано с механизмом деяния, и типичных их последствиях; 3) сведения о личности преступника, типичных мотивах деяния, что связано со способом совершения преступления, целях, намерениях, потребностях; 4) данные о потерпевшем как о типичном объекте преступного посягательства; 5) иные данные – о типичных причинах и условиях преступлений, криминогенных и антикриминогенных факторах, типичных обстоятельствах совершения преступлений².

Ряд авторов, не давая самого понятия криминологической характеристики преступности, включают в нее состояние, динамику преступности, личность различных категорий преступников, специфику причин и условий проявления преступности, меры их предупреждения³. Другие рассматривают в качестве элементов криминологической характеристики преступности ее состояние или уровень, динамику, структуру, а также время, место и способ совершения преступлений⁴, личность преступника, причины преступности⁵. В состав криминологической характеристики включают: 1) состояние преступности и ее тенденций на территории города, района за продолжительный отрезок времени (не

¹ См.: Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, М., 1999. С. 305-306.

² См.: Абельцев С.Н. Указ. раб. С. 19.

³ См.: Сахаров А.Б., Волошина Л.А. Общетеоретические проблемы криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 20. М., 1974. С. 20.

⁴ См.: Объяснение в криминологии. М., 1979. С. 7.

⁵ См.: Алексеев А.И., Солопанов Ю.В. Профилактика рецидива преступлений. М., 1980. С. 5-24.

менее чем за три года); 2) наиболее распространенные преступления и социально-демографические группы населения, которыми они обычно совершаются, населенные пункты и трудовые коллективы, где чаще всего совершаются преступления; 3) факторы, влияющие на состояние преступности, причины и условия, способствующие совершению отдельных видов и групп преступлений¹.

А.К. Иванов представляет структуру криминологической характеристики в виде понятия преступности или ее вида, характеристики личности совершившего преступление, причин и условий преступности, способов ее предупреждения², т.е. включает в криминологическую характеристику элементы предмета криминологии.

По мнению В.В. Смирнова, структура криминологической характеристики должна состоять из: 1) общей характеристики преступности (статистики, времени, месте и способа совершения преступлений, зависимости между числом участников группы и способом совершения преступления, сроками подготовки к преступлению); 2) причин преступлений; 3) личности осужденных³.

Я.И. Гишинский использует следующую схему криминологической характеристики преступности:

общая характеристика (основные понятия, социальная природа и т.п.);

уровень и динамика преступности;

место в общем объеме преступности;

внутренняя структура;

качественные особенности;

социально-демографический состав субъектов преступлений;

территориальное и временное распределение;

особенности генезиса и профилактики⁴.

В.Д. Ларичев полагает, что криминологическую характеристику составляют:

уровень, структура, динамика преступности;

характеристика личности преступника;

причины и условия преступности.

При этом он утверждает, что непосредственно преступность характеризуют только ее уровень, структура и динамика, поскольку другие элементы раскрывают не саму преступность, а иные явления, хотя и тесно с ней связанные⁵.

¹ См.: Бараненко Б.И., Закалюк А.П. Участие органов внутренних дел в подготовке и осуществлении комплексных планов профилактики правонарушений в городах и районах. Киев, 1981. С. 11-12.

² См.: Иванов А.К. Криминология. Саратов, 1996. С. 101-191.

³ См.: Смирнов В.В. Предупреждение побегов из исправительных учреждений. М., 1999. С. 67-105.

⁴ См.: Гишинский Я.И. Криминология. СПб., 2002. С. 171.

⁵ См.: Ларичев В.Д. Указ. раб. С. 23.

С точки зрения А.Г. Мусеибова, структурными элементами криминологической характеристики любого класса, рода, вида преступлений являются: 1) количественно-качественные характеристики (состояние, уровень, динамика и структура); 2) свойства личности преступника, значимые для прогнозирования индивидуального преступного поведения; 3) механизм преступного поведения; 4) обстановка объективного и субъективного характера, формирующая личность преступника, т.е. причины причин совершения отдельных видов преступлений; 5) условия, облегчающие совершение преступлений или способствующие им; 6) обстановка совершения преступлений определенного вида (время, место, конкретные жизненные ситуации и т.д.), характеристика объектов и предметов преступного посягательства, способов, орудий и средств совершения преступления; 7) формы проявления умысла на совершение преступления; внешние признаки подготовки к преступлению и покушению на преступление; 8) свойства личности потерпевшего, значимые для осуществления общей и индивидуальной профилактики, предотвращения и пресечения преступлений¹.

В исследовании Г.П. Лозовицкой в структуре криминологической характеристики определены: состояние (уровень, структура, динамика) преступлений; причины и условия преступности; личность преступника; виктимологические аспекты преступности; предупреждение преступности².

Обзор точек зрения относительно понятия криминологической характеристики и содержания ее структуры позволяет заметить, что криминологическая характеристика рассматривается либо достаточно широко, либо утилитарно узко. Поскольку сущность преступности в целом как явления и ее видов (родов) очень многообразна, думается, что структуру криминологической характеристики следует определять и в широком, и в узком смысле в зависимости от целей исследования и глубины описания и объяснения криминологически значимых явлений.

Полагаем, что в узком смысле в криминологическую характеристику следует включать также качественно-количественные показатели преступности:

объем или состояние преступности – количество преступлений (или лиц, их совершивших) в абсолютных цифрах, совершенных (или зарегистрированных) на определенной территории за определенное время;

¹ См.: Мусеилов А.Г. Указ. раб. С. 81-90.

² См.: Лозовицкая Г.П. Указ. раб. С. 105-150.

уровень или интенсивность преступности – число преступлений (лиц, их совершивших), совершенных на определенной территории за определенный период в расчете на определенное количество человек, достигших возраста наступления уголовной ответственности, проживающих на данной территории;

структуру – значимое с точки зрения криминологии внутреннее строение преступности;

динамику – изменение преступности (ее отдельных свойств) во времени;

географию или территориальное распространение преступности – соотношение объемов преступности на административно обособленных территориях, входящих в состав единого административно-территориального образования;

общественную опасность преступности – свойство, выражающееся в способности нанесения ущерба совокупности общественных отношений, охраняемых уголовным законом;

цену или социальные последствия преступности – вредные последствия, причиняемые преступлениями как в рамках состава преступления, так и за его пределами;

латентность – свойство преступности, выражающееся в неполном ее отражении в официальной статистике;

уровень раскрываемости – соотношение преступлений, по которым установлены лица, их совершившие, в общей массе (по виду) преступлений.

В широком смысле в структуру криминологической характеристики необходимо вводить те

показатели, которые наиболее полно и всесторонне характеризуют как исследуемый социальный феномен, так и тесно связанные с ним явления. Поэтому в широком смысле в криминологическую характеристику следует включать понятие преступности (ее вида), уголовно-правовую характеристику, качественно-количественную характеристику; причины преступности и условия, ей способствующие; общие и криминогенные черты личности преступника (значимые как для прогнозирования преступного поведения, так и для профилактической работы); виктимологические особенности личности жертвы; характеристику маргинальных явлений, связанных с исследуемым видом преступности; анализ зарубежного опыта борьбы с преступностью (или ее видом); анализ предупредительной деятельности.

Полагаем, что выработка мер предупреждения должна находиться за рамками криминологической характеристики, поскольку она сама является основой, базой для оценки ситуации, прогнозирования состояния преступности и преступного поведения с целью разработки этих мер.

Выбор содержательного наполнения структуры криминологической характеристики в узком или широком смысле при проведении конкретного криминологического изыскания во многом должен зависеть от вида преступности, целей и задач, стоящих перед исследованием, вида прогноза, направленностей и детализации методических разработок предупредительной деятельности.

